

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Чудесный, пахнувший скошенными травами вечер. Усталое солнце зависло над селом Хреновое. Все вокруг словно облила теплая позолота. Она полыхала в стеклах высоких мастерских по обработке древесины, высвечивала похожий на хребет ящера изогнутый песчаный бугор, окрашивала желтым веселым цветом деревья и траву. Так и хотелось побежать, а то и полететь в охристом, напоенном пряным ароматом сена воздухе: «Ура! Курсы в лесотехническом техникуме закончились. Свободен!..»

Люблю моменты волшебных превращений в себе: пока никто не видит, я становлюсь маленьким мальчишкой. Мне хочется воевать, отчаянно рубить деревянной саблей репейник или крапиву. Нимало не смущаясь, подобрал какую-то палку и начал браво размахивать над головой, а сам заскакал вприпрыжку по старой дороге на наступающее войско желтоголового чистотела. Как интересно выглядит путь, по которому давно никто не ходил и не ездил, — он зарос травой, только два следа там, где были колеса, по-прежнему желтели песком. Гонимый любопытством, я углублялся все дальше в чащу, шагая по старой дороге. Ого! Смешанный лес, в котором березы, дубы, осины и клены загуще-

ны акацией, высоким кипреем, вдруг расступился, и я увидел сосны-великаны... векового Хреновского бора. Залитые низовым солнцем, могучие стволы краснели, словно сказочные богатыри радовались предстоящей встрече. Сбоку призывной флейтой запел черный дрозд. Притих на миг, оглядывая меня, потом вновь залился звучной и грустной мелодией. Там и сям подключались звонкие переливчатые голоса, приветствуя наступивший вечер. Разом вспомнилась песня Владимира Шаинского «Дрозды»...

Звуки вырастают, как цветы:
Грустные, веселые, любые,
То горячие до красноты,
То холодновато-голубые...

Я бродил среди огромных и редких вековых сосен, впрямь чем-то напоминающих великанов в красноватых доспехах, наблюдал, как темнел и мрачнел лес, слушал многоголосое пение дроздов и урчание козодоев. Казалось, вот-вот встречу избушку на курьих ножках. Безветрие пахло пряным кипреем и сладковатым духом цветущих белых акаций. Какая же красотища! Однако пора возвращаться.

На подходе к высоким стенам мастерских увидел слева, как мне показалось, большую солдатскую палатку. Оказалось, что это буйно разросшиеся кусты бузины, укрытые густой бородой из плюща и хмеля, торчащие из лоцины. Я обошел вокруг немного просевшей широкой ямы, толкнул ногой седой войлок прошлогодней травы, не гриб ли торчит. Фу! Какая-то кость. Господи, а вон еще, еще... Видимо, могильник. Лучше держаться подальше от этого места, но меня словно искушала неведомая сила. Прошел метров тридцать и наткнулся на второй могильник, поменьше. Наверное, в мастерских раньше держали свиней.

Вернувшись на квартиру, я спросил у похожего на цыгана хозяина, однорукого пожилого инвалида, про кости в яме.

— Человечьи это кости. Еще с войны. Это захватчики — мадьяры. Их, как и немцев, в январе 43-го изгнали с Дона. Они, не по-зимнему одетые, голодные, сотнями, тысячами сдавались нашим войскам. Пленные жили в бывших конюшнях — нынешних мастерских. Они лес тут валили, бревна носили, на доски распиливали. А время, что говорить, ужасное было, тяжелое. Кругом разруха, холод, с едой плохо, пленные и умирали. Их хоронили в общей могиле...

Киваю хозяину, а в душе — полнейшая путаница. Одно дело — бегать и махать палкой, другое — воевать по-настоящему. И как это умереть на чужбине, в полном забвении?!

Сутулый, смуглый до того, что кажется каким-то насквозь прокопченным, Митрофан Яковлевич молча смолит крепкий самосад, надсадно кашляет, сжимает единственную руку в жилистый кулак, потом встает и резко уходит на улицу.

Вечером старик справил поминки по своей жене, умершей год назад. Водка развязала угрюмому инвалиду язык. Всю ночь он мне рассказывал, порой резко замолкая или с силой хлопая себя по карманам в поисках папирос, роковую историю своей военной юности.

— Первого фашиста я убил в шестнадцать лет... из берданки, по глупости, конечно. То был пленный мадьяр...

Один из братьев Казаковых, смуглый Митрошка, прильнул к запыленному окну. Состав подъезжал к какой-то маленькой, похожей на разъезд, станции. Длинная безжизненная свеча двуглавого семафора накренилась в сторону железной дороги, к рельсам. Струны проводов, клубясь, путались по усыпанной щебнем земле вплоть до небольшой голубой будки.

Паровоз, словно задыхаясь, натруженно закричал и сбавил скорость. Плацкартный вагон со стуком и скрежетом покачнулся на стрелке, за ним, повторяя движение, избушками на курьих ножках закачались из стороны в сторону второй переполненный дом на колесах, третий...

День сегодня опять был солнечным, жарким и очень душным. Валентина Казакова, мать многочисленного семейства, в желтой домотканой кофте и черной юбке, сидела потная, хватаясь за сердце. Она чувствовала — тянет на дождь. На душе у нее было уныло, а девчонки все время просили пить.

Вот вагон резко дернуло, а затем трянуло, раздался лязг, словно не вдоль рельсов поехали, а поперек.

— Не свались! — вскрикнул отчаянно детский голос. — Mam, что там такое? — испуганно спросила Аришка-арбузишка, одна из четырех сестер Казаковых, теснившаяся с самой младшей рыжей Феней на верхней полке.

— Что-что? Немцы станцию бомбят, — пошутил старший брат. — В тех, кто в штанах, швыряются картузами, а в тех, кто в юбках — арбузами.

Цепкая рука девочки попыталась вцепиться в пшеничные, торчащие упрямо вверх и в стороны волосы обидчика.

— Ma! — пронзительно крикнула она. — А что Колян дразнится?

Мать устала от бесконечных детских ссор, вообще ей хотелось спать. Белокурая женщина всего боялась, да и как не переживать в столь опасной дороге.

— Все, хватит! — пугала она себя, скорее, а не ребят. — Если будете шуметь, высадят нас всех в поле... Нюр, косу заплети Марусе... Схожу, узнаю, что там стряслось? Водички заодно спрошу.

А братья продолжали подшучивать над сестрами.

— Вас в первую очередь и высадят, чтобы не визжали, как поросята, — подтрунивал неугомонный Колян, которому не сиделось на месте. — Каждой дадут по две подушки и перине, чтобы в перьях, как в облаках, парили.

Вагон был набит до отказа людьми и вещами. Всюду — в проходах, под столиками и сиденьями, да и на самом верху — стояли чемоданы с тряпками, сумки с посудой, узлы с матрацами и подушками, мешки с крупой. Многие семьи прихватили перины и подушки, Казаковы тоже везли «девичье приданое». Хоть и жарко, но ребята были одеты в мятые пижаки: на Коляне — серый, а на Митрошке — коричневый.

— А вы-то на чем спите! — огрызнулась чернявая и сердитая Нюрка, заядлая драчунья, не уступающая братьям. — Все на тех же подушках.

— Нет, мы солдаты, верно, Митрошк? — вытянулся в стойку Колян, то застегивая, то расстегивая единственную пуговицу своего костюма, и глухо стукнулся затылком о верхнюю полку. Почесал голову, но его это не остановило. — Мы скоро от вас тью-тью!

— А куда вы собрались? — «смешнущька» Марущька, передразнивая брата, тоже почесала макушку.

— Куда-куда, на войну! Отец уже год воюет, и нам пора!

Младшие сестры, пусть и обижали их частенько старшие братья, заволновались.

— У нас отец был настоящим охотником, недаром его в снайперы взяли. Вот и нас туда возьмут.

— К отцу поедете? — наивно спросила, округлив черные глаза, Ариша.

— Конечно, — отвечал уверенно Колян, — я в школьном тире из десяти выстрелов 94 очка выбивал. В школе это был лучший результат. Меня тоже в снайперы возьмут. Меня возьмут, а вас нет...

Неугомон вскочил и весело пощекотал маленькой Фенечке свесившуюся босую ножку, ее розовые пальчики.

— Следи, чтобы не упала, — заворчал он на сестру.

Митрошка любил охоту — страсть. Стоило брату напомнить, как в молчуне включилось «душевное радио».

— А помнишь, Колян, — сказал он каким-то неловким, чуть гнусавым голосом, — как я зайца застрелил в Кондрашкином логу. Метров за тридцать, а то и сорок попал.

Смуглое угрюмоватое лицо подростка осветилось самодовольной улыбкой.

— Ой, да ладно, стрелок-молочник! — усмехнулся брат. — Попал раз в жизни и радуешься. Николай Григорьевич двух типов таких стрелков, что метко в молоко попадают, выделял: дергунов и моргунов. Он мне сначала как по руке треснул, прямо по пальцам, мол, что ты, Казаков Николайка, такой нервный, курок рвешь? Ну-ка, спокойно, плавно спускай курок, нежно так, на выдохе. И научил. Я тогда в самое яблочко забачал. А ты, еще отец подметил, на курок жмешь, а сам глаза закрываешь, вот дурная привычка — моргунить.

Видно, уж так положено — старшим наводить критику на младших. Колян любил, когда хвалили его, и не любил, когда хвалились другие.

Вернулась мать, сказала, стараясь быть спокойной, что немцы рано утром бомбили эту маленькую станцию, хотя прежде не трогали — село, разъезд, что же тут такого важного-то... На ветке работает целая рота железнодорожного батальона — чинят пути, срочно восстанавливают связь.

— Так что скоро поедем, — обнадежила.

Обстановка тревожная, но... только не для братьев Казаковых. Митрошка с Коляном погодки. Первый, хотя и младше брата на год, ни в чем ему не уступал. Как же надоело томиться в духоте и жаре, девочки просто изнывали.

— Мам, — спросила за остальных нетерпеливая Ариша, — а водички попить не принесла?

Мать тоже мучила жажда, но она не показывала вида. Она, вздохнув, села, успокаивая всех и себя:

— Потерпите, до Лисок рукой подать. Там станция большая, обязательно вода будет. А еще, глядишь, часа через три или четыре приедем к родным по маме, к тете Евдокии в Давыдовку.

— А разве наша Давыдовка в Воронежской области? — словно этому радуясь, улыбнулась ямочками щек озорная Маруся.

— Мам, я сильно пить хочу, — всхлипнула Ариша. — Скоро мы поедем?

Братья, заговорщически подмигнув сестрам, потянулись к выходу, захватив с собой две фляжки, с которыми отец когда-то ходил на охоту.

Колян, худой, жилистый, светло-русый, — и обличьем, и характером был в отца, минуты на месте не посидит, а Митрошка, наоборот, высокий, смуглый и медлительный — ни дать ни взять дед Федор по материнской линии, такой же цыган горбоносый.

Цеплялись братья часто. Колян был вспыльчив, а Митроха упрям. Ни за что друг другу не уступят, но и никому спуска не дадут. Даром, что одному 16 лет, а второму 15. Отчаюги уже дрались с мужиками.

— Вы куда? — попыталась остановить их Валентина. — Нечего попусту шлеться! Я же сказала, воды нет. А ну, сядьте!

— На каждой станции бегают, — с сердитой завистью косилась на братьев чернявая Нюрка. — Им можно. А нас так никуда не пускаешь.

— Молчи, в лоб получишь, — обернулся, грозя кулаком, Колян.

— Сам получишь! — рванулась в бой сестра, желая вцепиться в щеки брата пальцами.

Мать и без того взволнована. Да и люди кругом взволнованы, надо ехать, а вагон стоит. Ребята еще покоя не дают, скачут и скачут, а вдруг... отстанут.

Недоброе предчувствие сжимало ей сердце, а лицо покраснелось от жары. Однако дочери так и сверлили мать напряженными и испуганными глазами, поэтому мать скрывала тревогу, не желая пугать.

— Не ходили бы вы, не пугались у людей под ногами, — крикнула вслед сыновьям и взяла на руки самую младшую, самую «сладенькую», Феню.

Девочка была мокрой.

— Иди, переодену, фу, какая же духотища!

С трудом мальчишки пролезли к выходу, не обращая внимания на недовольное ворчанье стоявших в проходе пассажиров, мол, опять не сидится.

Братья выбрались из душного, переполненного людьми вагона на свежий, терпко пахнущий плавленым битумом воздух и огляделись.

Их вагон был вторым от паровоза. Позади, на одноэтажном кирпичном здании, видимо, вокзале, чуть криво висела серая доска, на которой черными буквами было написано «Пуховка». Водонапорной башни нигде не было видно.

У паровоза стояли и разговаривали двое: стройный молодой лейтенант в новой форме и крупный, грузный машинист в перепачканном комбинезоне, вытиравший о ветошь руки.

— Давай у них спросим, должна же тут быть вода, может, колодец какой? — Колян пригладил распушившийся чуб и живо зашагал в сторону черного паровоза.

Митрошка нес в руках фляжки, будто пухлые алюминиевые булочки.

— Угадай, какое звание у военного, если в петлицах два кубаря? — спросил вездесущий Колян.

— Капитан.

Колян хмыкнул:

— Скажи еще генерал. А лейтенанта не хочешь?

Крупный железнодорожник басисто ворчал, а лейтенант оправдывался:

— Да я тут и за начальника станции, и дежурный, и монтер связи...

— Тогда объясни, начальник, зачем я светлым днем еду, людей везу? Каждый вагон набит битком детьми, женщинами, стариками. А если, не приведи Господи, снова налетят?

Лейтенант стоял навытяжку, как перед старшим по званию, но говорил скорее виновато:

— Понимаю, но что делать, ведь ветка Лиски-Отрожка одна, ночью перегружена — военные эшелоны идут и идут на Сталинград. А вы-то, наоборот, в другую сторону едете, обычные беженцы. Разве летчики этого не видят?

В небе с одной стороны пылало жаркое солнце, а с другой — серела хмарь и темнела фиолетовая туча.

— Видал, — догадливо показал на тучу Митрошка. — Гроза будет, вот и духотища.

— Ага, теперь сестер напугаю, — словно обрадовался Колян. — Молния — пых! Гром кулачином по крыше вагона — бабах! А я как закричу: «Ложись, станцию бомбят!» Ладно, посуду дай.

Старший брат взял слегка мятую фляжку из рук младшего и махнул ею перед взрослыми.

— Это, а где тут воды можно набрать, не подскажите?

— Колодец за вокзалом, в палисаднике желтого дома, — показал лейтенант на дорожку между двумя кленами и высокой дикой грушей у вокзала.

Тут из-за паровоза вынырнул совсем юный потный сержант и, вытирая платочком шею, доложил:

— Связь налажена, перегон свободен, можно ехать.

Неугомон Колян вдруг почувствовал, как же ему хочется пить. Он выхватил у брата вторую фляжку и бегом кинулся за вокзал, надеясь успеть к колодцу.

— А ты гляди, как поедет, крикнешь! — погрозил похожему на цыгана брату.

Густые ветви дикой груши закрыли небо со стороны поезда, а потому Митрошка не сообразил, что за противный, ноющий звук раздался у него за спиной и сверху. Он сначала подумал, что это пилорама заработала.

— Налетел, стервец! — выругался младший лейтенант и ловко полез на паровоз. Забрался на тендер и погрозил кулаком. — Один кружит. Эй, кого бомбить собрался, идиот?

— Пока один, — став багровым и отбросив паклю, гулким басом закричал машинист. — Объявляй воздух, тревогу объявляй, ты же начальник — связь в твоих руках.

— Не работает сирена, — спрыгнул и подошел лейтенант, — теперь только одно, срочно ехать надо! Отправляйтесь, не мешкая!

2

На войне не всегда везет. Конец весны и первый месяц лета 1942 года венгерский капитан Золтан Довач — герой железного креста с дубовым листом — отвалился в госпитале. Осколок мины глубоко резанул предплечье чуть выше кисти левой руки, порвал сухожилия, которые соединяли пальцы с мышцами.

Спасибо замечательному немецкому хирургу Адольфу Брауну, ибо его повторная операция вновь сделала ладонь и пальцы подвижными.

К этому времени Вторая венгерская королевская армия, под коман-

дования генерал-полковника Густава Яни, прибывшая в район Курска, активно поддержала немцев в наступательной операции «Blau». Третий армейский корпус атаковал русских на воронежском направлении.

Капитан, отказавшись от отпуска, вернулся 6 июля 1942 года в первый мотопехотный полк, в свою шестую роту, в подразделение поддержки как раз в тот момент, когда достаточно потрепанные силы противника оказались в котле в излучине Дона, то есть были окружены и взяты в плен. Венграм ставилась задача — форсированным маршем следовать за немецкими подвижными войсками на восток, выйдя к реке Дон, занять двухсоткилометровую линию обороны на его западном берегу от Воронежа до Павловска.

По пыльному тракту, преодолевая крутые спуски и высокие подъемы многочисленных лесистых оврагов, растянулись с уханьем и глухим ворчаньем более двух десятков крытых серо-зеленых грузовиков. Их сопровождали мотоциклисты и бронетранспортеры. В двух передних и в последней машине ехали венгерские солдаты. В остальных везли боеприпасы, мотки колючей проволоки, а также ящики и мешки с продуктами. Отдельно ехали велосипедисты.

Поверхность дороги была волнистой, но достаточно накатанной, похожей на очень длинную шкурку окорока. Конечный пункт дислокации — село Архангельское.

Шофер и капитан, ехавшие в первой машине, переглянулись, указывая на две воронки, похожие на удивленные глаза. Спицы и колеса в канаве — обломки здешней повозки, разбросанные клочья одежды, присыпанная землей утварь — все указывало на прямое попадание фугасной бомбы.

— Считаю, мы вышли к Дону, — радовался небольшой ростом и очень подвижный ефрейтор Рацы Галгоцы. — Тряские тут дороги, просто яма на яме. Может, сделаем остановку? Вон впереди в низине виден колодец.

— Гу-уд! — отвечал по-немецки рыжий капитан, напряженно вглядываясь вперед.

Высмотрел большой дом, гуляющих кур и козу. Белая, крытая бурым камышом изба стояла особняком, словно шагнув из ряда других построек, оград и палисадников.

— Какое это дерево, вишня? — спросил строго, как и положено разговаривать с подчиненным, командир батальона Золтан Довач. — Большое, с побеленным стволом, у калитки?

Ефрейтор снял пилотку и вытер потный лоб.

— Так точно, это вишня, ваше благородие. Должно быть, созрела. Разрешите нарвать сочных ягод?

— Нас встречает вишня! Что же, это добрый знак, — улыбнулся Золтан.

Что за шофер? Стоит улыбнуться, на минутку расслабиться, и Рацы Галгоцы впадает в лирику. Вот и сейчас, на короткой остановке, ему вдруг захотелось поговорить.

— У нас на даче за городом был вишневый сад. А у соседа — врача Пио Фаркаса — там жила веселая дочь Вилма. Мы с ней встречались в саду, я рвал для нее сочные ягоды... Как тоскует сердце по родному Мадьярорсагу, по величественному звону колоколов в Пеште. Скорее бы кончилась война. Первое, что я сделал бы у себя дома в Ференцвароше, так это отправился в колбасную лавку, чтобы заказать шкварок с зеленой сочной паприкой.

Золтан Довач, рыжий, кадыкастый и худой, одинаково хорошо умеющий играть на скрипке и раскладывать пасьянс, на мгновение задумавшись, представил аристократический клуб в Будапеште — «Национальное казино».

Он никогда не пробовал шкварки — блюдо шоферов и дворников, а потому презрительно поджал губы. Ему вспомнилась гостиница «Казино», парадная зала, где не только каменные украшения, но даже кожаные кресла, казалось, были отлиты из бронзы.

Ему вспомнилось, как он ловил проезжавший мимо закрытый фиакр, когда спешил на свидание от казарм на улице Юллей.

Он тогда решил удивить белокурую девушку с немного грустными глазами цвета осеннего серого неба. Было в ее зрачках что-то прозрачное, вроде как в черный кофе плеснули молока. Тихая, безмятежная Кейталин, мечтавшая о семейном очаге. Где она теперь?..

У Золтана защекотало в носу, словно он пил шипящий в нос шприцер — смесь вина с содовой водой.

— Я имел желание и возможность завтракать в «Казино» раками, которые поздней осенью почитались деликатесом, — сказал он высокомерно, щуря глаза в сторону белого дома, где высилось раскидистое дерево с окрашенным мелом стволом. — Знал я и розовощекую барышню Иболью Симон, что поставляла раков на кухню «Казино», хорошо знал ее сына. Однажды утром мы прогуливались с Яношем по рынку, и мамаша Иболью рассказала, каких раков в тот день отправила на кухню в клуб.

Золтан нервно забарабанил жилистыми пальцами по коричневой коже полевой сумки.

Он вспомнил, как хотел удивить Кейталин, хотел, чтобы ее бледные, впалые щеки порозовели, а из маленькой груди вырвался восторженный детский смех.

Дородная Иболью поведала, что кроме мелких тиссайских раков она отослала один экземпляр очень больших, просто гигантских размеров. Она так и сказала: «Хвост — молот, а клешни — боксерские перчатки!».

Он, не мешкая, поспешил в «Казино» и заказал для своей «неженки» столь редкостного великана. Как давно это было, да и было ли вообще?

У ефрейтора покраснел нос, видимо, воспоминания капитана навели ему что-то веселое.

— Господин офицер! — У шофера оживленно заблестели глаза, даже пальцы заплясали. — А я ведь знаю улицу Юллей. Как же, припоминаю, как однажды, будучи таким же проголодавшимся, как вот сейчас, я заскочил в колбасную лавку. Округлая, сияющая, как луна, жена колбасника в заляпанном жиром платье, белом переднике встретила меня нежной улыбкой. Помню, как глубоко ушло в палец ее обручальное кольцо, значит, хозяйкой она была тут давно — так на деревьях все глубже и глубже уходят в ствол обручальные кольца весен. Я заказал триста граммов ароматных шкварок и рюмочку сливовицы.

Золтан с удивлением глядел на болтливую ефрейтора — да тот, оказывается, сентиментальный лирик.

— Шкварки, только что с плиты, дымились перед хозяйкой, дразня аппетит. Хозяйка взвесила их, а потом достала книгу стихов и вырвала из нее несколько страничек, чтобы сделать кулек. Меня покорило, ведь это была книга известного поэта прошлого века Яноша Вайды.

До чего же болтлив ефрейтор, видимо, он и сам пописывает стишки. От разговоров о еде капитан тоже почувствовал себя голодным.

— Идем!

Вороненое дуло автомата высунулось в открытую дверь машины, ненасытным глазом выглядывая жертву. Ефрейтор спрыгнул на землю.

В кабине было жарко, пахло потом и бензином, на улице тоже было тепло, дул легкий ветерок. Налитое светлой голубизной бездонное небо с бегущими облаками, стая пролетевших над головой воробьев будили в Золтане радостное желание подняться туда же, раствориться в теплых животворных красках лета. Им овладело волнующее ожидание стремительно приближающегося момента встречи с жителями села, в котором ему придется пожить некоторое время. Капитан решил наведаться в выступавшую вперед избу, а заодно убедиться, достаточно ли поспела вишня.

— Эй, командир, — крикнули из кузова, — как бы водички испить?

— Для этого и остановились у колодца. Разрешаю наполнить баки!

Ефрейтор вновь открыл кабину, чтобы положить автомат на сидение. Зачем оружие, когда на крыльцо вышла маленькая девочка в красном сарафане, села в траву и смотрит на дорогу?

Золтан крупными, журавлиными шагами зашагал к избе. Он улыбнулся белокурой малышке, которая испуганно сжалась и замерла, широко раскрыв синие глаза.

В сенях в полумраке он увидел на лавке ведро с водой и деревянный черпак. С жадностью выпил вкусную прохладную воду и решительно вошел в тесную горницу.

Какая всюду нищета! Вот и тут — вместо деревянного пола плотно утрамбованная земля, серо-желтый потолок, побеленные мелом стены, грубо сколоченный стол в углу, почернелые лавки, большая русская печь, деревянная лежанка, синего цвета сундук. Другая комната, видимо, кухня, была отгорожена рыжей, выцветшей занавеской. На него уставились четыре, нет, даже пять, а то и шесть пар испуганных глаз. На лавке сидела пожилая женщина в черной юбке и кофте, в черном платке. Невысокая ростом, плотная телом молодайка в светлом наряде спешно выкладывала из закопченного чугуна яйца в платок на столе. Из-за печки выглядывали два беловолосых малыша лет трех и четырех, а под столом лазал еще один светленький ребенок, пытаясь схватить за хвост полосатую кошку.

— Gutten tag! — поприветствовал он семью. На секунду задумался и добавил с доброжелательной улыбкой. — Здравствуйте!

Но в горнице словно остолбенели. Малыши спрятались, бабка, округлив глаза, поднесла к губам ладонь и замерла, а молодайка, завязывая платок в узел, упустила угол, и несколько яиц белыми шарами со стуком упали вниз, и раскатились по полу.

Капитана это раздражило: «Никак не желают понимать, что с армией коммунистов покончено, что теперь надо кормить и приветствовать другую армию, армию новых хозяев. А чтобы хорошо жить, надо уважать и почитать своего хозяина!»

Для Золтана все оккупированное население — слуги, которые обязаны подчиняться новой власти. Вот они — остолбенели потому, что видят перед собой представителя нового порядка.

Объясняться некогда.

— Das Brot? — опять сказал капитан по-немецки, затем вспомнил, как это звучит по-русски... — Я говорить хлеб... дать...

Сбоку, в щелку в занавеске, он заметил стоявшую в ведре с водой коричневую кринку, шагнул вперед, в чулан, радуясь тому, что нашел...

Он стал жадно пить, задыхаясь, совсем не думая о том, что молоко специально приберегли для малых детей, сейчас он сам был как ребенок.

Офицер увидел в окно, как из остановившихся машин высыпали зелено-желтой саранчой многочисленные солдаты. В пилотках, в летних гимнастерках, похожих на рубашки, они поспешили к ближайшим дворам и избам, желая хоть чем-нибудь поживиться.

Немцы для венгров, как и для других союзников, издали приказ, в котором запрещалось что-либо изымать у населения и мародерствовать. С людьми на оккупированной территории требовалось поддерживать добрые взаимоотношения. Если брать продукты, то по взаимному договору. Золтан на этот счет имел другое мнение: местное население обязано выделять нужное количество продуктов новым хозяевам, обязано на них работать!

Яиц оказалось не меньше двадцати. Какая удача! Недаром шофер Рацы Голгоцы высмотрел этот дом, сейчас он накормит солдат в грузовике, угостит ефрейтора.

Уже не улыбаясь, капитан сгреб узел, коричневую душистую ковригу ржаного хлеба и вышел на улицу.

Где-то вдаль пронзительно визжал поросенок, кудахтали, разлетаясь, куры, а на огородах, в садах и сараях — всюду шарили солдаты.

У крыльца громко плакала девочка, размазывая по щекам грязь и слезы.

«Дурной пример я показываю подчиненным, — вдруг подумал Золтан и вновь испытал раздражение на эту ревущую в голос плаксу, на женщин в избе, на селян в целом. — Чего испугались? Нет бы обрадоваться, встретить цветами молодых, крепких парней, окружить их вниманием и заботой...»

Он вдруг остановился, вернулся к девочке и, ослабив завязки узла, высыпал яйца в красный подол ребенка — все до одного. Яиц было так много, что они раскатились перед девочкой по траве, будто цыплята вокруг наседки.

«Хватит хлеба, — решил он, принохиваясь к аппетитному ржаному духу. — У солдат есть паек, не надо их баловать».

Ефрейтор, как и обещал, держал на коленях полную фуражку темно-бордовой, спелой вишни.

3

А время словно остановилось. Где там Колян пропадает? — заволновался Митрошка, поспешно залезая по приваренной металлической лесенке вверх на крышу белой пристройки, видимо, привокзальной будки для какого-то оборудования.

Он оглядел покрытое серыми облаками небо и увидел, как далеко, едва заметным крестиком заходил в голову поезда самолет. Высота его была приличной, такой, что самолет казался обыкновенной стрелкой. Маленький серебристый крестик разросся в зловецкий двухмоторный «Юнкерс», сверкающий в солнечных лучах. Самолет летел строго над железной дорогой.

Митрошка, задрав голову, зачарованно не спускал с него глаз. Он не заметил даже, как запыхтел и окутался паром паровоз. Дернулись и медленно-медленно поплыли вагоны. Митрошка увидел, как самолет, вот ведь смешно, ну, нашел чем пугать, дурак, высыпал целую горсть черных семечек.

— Ага, распечатался! — пробормотал он восторженно и, едва не сошедший, вдруг увидел себя стоящим на лестнице, увидел плывущие зелеными и коричневыми корабликами вагоны.

Его сестры и мать уезжали одни.

— Коляна, атас! — закричал что есть мочи Митрошка. — Наш паровоз тронулся! Паровоз уезжает! Коляна, скорей!

Он ринулся было вниз, но в этот момент между вагонами и зданием вокзала взметнулись со страшным грохотом черно-красные султаны взрывов. Мальчишка непроизвольно присел, а над головой со свистом пролетели осколки, ссекая ветви и листья с груши.

Как в страшном сне, словно одереvenев, Митрошка видел в открытую дверь кабину машиниста, который в очередной раз толкнул реверс, а потом схватил лопату и стал яростно швырять в топку уголь. Послушный паровоз заработал усиленно своими локтями, привинченными к колесам, но колеса прокрутились на месте.

«Странно, что они на месте-то крутятся, — подумал он с детским удивлением, — зачем? Буксуют что ли?.. А самолет зачем?.. Он не должен бомбить, мы же не военные, мы мирные, тут ошибка...»

Немея от ужаса, Митрошка увидел, как передняя часть темно-зеленого вагона, в котором оставались мать и четыре сестры, взметнулась вверх и в стороны.

— А-а-а-а! — истерично закричал мальчишка, теряя над собой контроль.

Какая-то сила резко потянула его за ноги вниз, куда он слетел, до крови содрав локоть и правую ладонь.

Это был Колян. Он старался и не мог удержать сильного Митрошку, тот рвался к вагону.

А бомбы продолжали рваться, сея вокруг смерть.

— Нельзя, ребята, лезть под взрывы, там смерть! — заплетающимся языком сказал раненный в голову лейтенант, лицо которого было наполовину залито кровью. — Надо позвонить — разбит эшелон беженцев... надо позвонить...

И вдруг стало оглушительно тихо. На миг Митрошка поплыл в каком-то белом тумане. Ему казалось, что он сидит на раскаленном солнце, а кругом бушует зима — сыплет снегопад, и сплошной пеленой летят белые снежинки.

Это пришедший вместе с грозой ветер разносил по станции пух и перья от разорванных перин и подушек. Он же раздувал пожар: некоторые из вагонов горели. На перроне, сплошь покрытом пухом, как на снегу, лежали среди обломков вагонов, разбросанных вещей раненые и убитые.

Вот тишина пропала, пустоту заполнили звенящие зловещие вопли, все громче и громче. Сплошная стена воя и горького дыма. Отовсюду доносились крики, стоны, детский плач.

— Я боюсь, — сказал кто-то в ухо парню, вцепился в рукав. — Лейтенант умер, но он велел позвонить.

Митроша оглянулся и увидел дикие от ужаса глаза и белое лицо Коляна.

— Я тоже боюсь, — заплакал мальчишка, как малый ребенок.

— Не ори! — сразу же взвился Колян. — Пошли к родным, они целы!

А куда к родным? Многие раненые женщины и дети куда-то ползли, обливаясь кровью, ослепленные перьями, страшные, что-то бормочущие,

кричащие о помощи, — только бы подальше от разбитых и горевших вагонов.

«Мама! Мама!» — раздавалось кругом.

— Мама, где ты? — вторил Колян и бил кулаками себя по лицу, но щеки оставались такими же бледными.

— Не трясись! — орал он истошно на младшего брата, остервенело тыкая кулаками в согнутую спину, хотя его самого колотило. — Я знаю, мать жива, и Нюрча с Маруськой, и Аришка с Феней живы, живы, ты понял, жи-вы!

Братья, как ни внушали себе, что они самые смелые на свете, совсем потерялись в страшном царстве пляшущего пламенем безумия. На поваленных столбах, на перепутавшихся проводах висели обрывки одежды. Приветливо махала ребятам окровавленная детская ручка с растопыренными пальцами в обрывке рукава от красного платица, тут же валялась в крови, как в томатном соусе, разорванная напополам старушка в черной кофте и юбке.

А вокруг ползли люди, двигались, шевелились, протягивали руки — дико кричали от боли и молили о помощи.

Часть беженцев оставалась в загоравшихся вагонах, многие забились в вырытую яму по другую сторону от железной дороги.

Мальчишки, немея от ужаса, полезли в свой вагон. Внутри, лучше бы этого не видеть, в седом тумане едкого дыма словно шевелилась морсовая каша: перемешались покатанные и убитые, визжали и от боли, и от испуга малыши. Тут же глаза наткнулись на оторванную, размозженную ногу среди окровавленного тряпья и разбитой, разбросанной посуды.

Прямо среди вагона сидела, выпучив бельмоподобный глаз, мертвая старушка с колесом от прялки на шее.

Митрошку вытошнило и долго рвало. Он просто не мог видеть этот ад, слышать нечеловеческие крики, но он слышал, как Колян повторял, словно заклинание:

— Мама, мы вернулись! Мама, мы воду принесли!

Правый бок вагона, как раз в том месте, где ехала семья Казаковых, был разворочен в результате прямого попадания фугаса.

Зловещие тучи нависли над станцией, воздух потемнел, стало мрачно. В ослепительных вспышках молний ярко вспыхивали копошащиеся и кричащие люди, всюду летел пух, сатаной грохотал гром ада.

Вот хлынул все усиливающийся дождь. Явись он всего на полчаса раньше, и, может, не было бы никакой бомбежки, но дождь опоздал и теперь спешил смыть следы ужасного бедствия и горя. Дождь гасил пожар.

Мальчишки совсем потерялись. Не замечая дождя, размазывая воду и слезы, хныча от отчаяния, как слепые котята, они натыкались на родные, с детства знакомые вещи и звали маму, сестер.

Нарастающий гул они слышали не сразу, слышали только заглушающий другие крики вой пикирующего самолета. С дробным треском хлестнула по изорванным душам пулеметная очередь.

Инстинкт заставил ребят спрыгнуть из вагона на сырую землю, а, услышав крик «Ложись!», плюхнуться прямо в лужу.

Лицо Митрошки горело, сердце тоже пылало неукротимым огнем от ужаса, страха и жалости. Он ничего не понимал, но хватал дергавшуюся ногу Коляна, который все время хотел куда-то убежать.

Стрельба стихла, «мессеры» улетели.

Приподнявшись, Митрошка дернул брата за штанину, мол, вставай, все кончилось. Увы, Колян не пошевелился. Он лежал ничком в красной луже и был мертв. Пуля пробила ему затылок. В руке он сжимал маленькую голубую куклу-самоделку, которую старшая сестра Ариша сделала для младшей Фени.

Из Лисок был вызван отряд медиков, ведь там размещалось несколько госпиталей. Было мобилизовано местное население, а также воинская часть для погрузки раненых и убитых.

Митрошка плохо помнил, кто его надоумил, кто велел или приказал помогать, но, когда поступили порожние вагоны, он начал вместе с другими людьми застилать их соломой и подносить на носилках раненых.

Им оказывали первую помощь, укладывали навалом, чтобы спешно увезти в госпиталь.

Была уже глубокая, темная ночь. Небо было обложено тучами, и моросил теплый дождь. Митрошка был мокрым и грязным, только голода не чувствовал, просто клонило в сон.

Узнав от мальчишки, что он тоже беженец, что ему надо в Давыдовку, а тут в Пуховке погибла его семья, врачи, жалея сироту, положили на носилки и погрузили на тормозную площадку проходящего поезда тело Коляна, сели сами. Они возвращались домой, а сирота вез мертвого брата в неизвестность. Митрофан уже не плакал — в душе была пустота.

4

Почти месяц минул, как они въехали в Архангельское, конечный пункт дислокации. Месторасположение оказалось весьма подходящим: с одной стороны оно было удалено от левого берега Дона, где русские держали оборону. С другой стороны его закрывал холмистый правый берег. В этом селе, очень удачно залегавшем в низине правого берега реки Дон, было решено создать опорную интендантскую базу для первого эшелона обороны, то есть склады боеприпасов, амуниции и продовольствия. Кроме того, было решено построить жилые бункеры для прибывающих на передовую групп подкрепления.

Смешно, но сельские женщины, все как одна, ходили в белых кофтах и черных сатиновых юбках, их избы тоже будто надели белые кофты, а камышовые крыши походили на русые прически. Вот и выбранная капитаном изба с высоким каменным фундаментом, обмазанная глиной и побеленная снаружи, тоже была похожа на сидевшую с края бугра старушку.

Он отнесся к новоселью несколько философски, даже улыбнулся на русскую поговорку, которую изрек, краснея носом, ефрейтор Рацы, шофер:

— Святое место, чтобы ему пусто было!

Золтан Довач поселился в доме «бабуш Кат» и не ошибся: та жила одна. Он не хотел, чтобы в доме были дети. Дети любят плакать, лезть туда, куда их не просят, на войне дети только мешают.

Когда венгры располагались в русских избах, то на них смотрели как на пришельцев из другого мира, непонятных и непредсказуемых. А старушка Катя приняла его как сына, отдала большую комнату, сама же, словно бы растворилась в чулане, в небольшом застенке за печью.

«Святое место» уютало в зелени садов и было по-своему живописным.

С отлогого мелового бугра вдали виднелась необъятная изумрудная низина — долина загадочного Дона, окутанная курчавыми зарослями ив и тальника.

Вступив в село, венгры быстро освоились, дело было привычным. Из оставшихся местных жителей выбрали старост, полицаев, переводчика и прочую рабочую силу. Свободное передвижение по селу жителям запретили.

Под руководством старшего интенданта пришлось закопать машины и построить несколько бункеров для складов в стороне от жилых домов. Доски, бруски и балки нашлись в колхозе на лесопилке. Солдаты просто соскучились по земляным и плотницким работам, а потому рьяно принялись за дело. Копали около недели. И бронетранспортеры, и грузовики «Опель-Блиц» спрятали в укрытия. Бункеры глубиной более двух метров замаскировали дерном с луговой травой.

Комендатуру возглавил немецкий майор Мюллер.

Туда-то и направлялся журавлиным шагом капитан Довач. Утром разведчики подали сведения о том, что в районе Первого Сторожевого готовится прорыв линии фронта.

У высокого дома, под двумя раскидистыми березами стоял деревянный сруб колодца, который окружили, весело смеясь, пятеро солдат. Железное ведро, намертво прикованное к колодезной цепи, звонко брядало о деревянный сруб, падая в колодец. Дубовый барабан глуховато гудел и бряцал цепью, раскручиваясь без тормозов. Рослый солдат быстро со скрипом крутил ручку, подхватывая полное ведро. Перебрасываясь шуточками, плескаясь друг в друга водой, они с шумом выливали воду в баки. При этом солдаты, поправляя гимнастерки, подкручивая усы, просто глаз не сводили с красивой, одетой в красное шелковое платье молодой женщины. Ее вид поразил и Золтана. По дороге ему встречались запыленные русские девушки в серых платках и серых фуфайках, которые шли босыми с узлом за спиной в сопровождении братьев, сестер, мам и бабушек; то, видимо, были беженцы. Она отличалась и от них, и от местных крестьянок короткой прической, тонкой фигурой и тонкой шей, да и платье было скроено со вкусом, подчеркивало талию и высокую грудь. Из-под пышной смоловой челки на солдат сверкали сердитые глаза, отвергающие жадные взгляды молодых и симпатичных мужчин в гимнастерках табачного цвета.

При появлении офицера солдаты смутились, а женщина, взяв ведро, прошла в маленький белый дом под соломенной крышей.

Белокурый весельчак и здоровяк Мюллер оглядел с холодной насмешкой бестолкового и чванливого рыжего капитана, мол, ну-ну... выдавай на-гора свои соображения.

— Надо усилить оборону. На господствующей высоте 187,7 установить еще два пулеметных гнезда и вкопать орудие...

— Подходы к высотам заминированы?

— Так точно, герр майор!

— А сколько рядов колючей проволоки натянуто?

— Не успеваем! Не хватает рук...

— Надо успеть! Используйте четыре взвода из окопного батальона и гражданское население. Сейчас для нас самое важное — сооружение позиций. В кратчайшие сроки необходимо вырыть многокилометровую линию траншей и ходов сообщения, которая, практически не прерываясь,

должна протянуться по правому берегу реки от села Архангельское до Сторожевого. Если рабочих и постреляют, мы от этого много не потеряем. Кто бы они ни были — евреи или русские.

— Так точно! Все они наши враги. Чем больше их убьют, тем меньше врагов будет у нас.

— Приказ сверху: боевая подготовка для пополнения — устраивать пулеметные гнезда, атаковать, стрелять, обучать ближнему бою и тому подобное. Каждый день — построения с оружием и амуницией. А еще распорядитесь вырыть для солдат третий сортир — яму, длиной примерно два метра и в метр шириной, с соответствующей глубиной. Обейте столбы досками, сделайте крышу, навесьте дверь. Смотрите, чтобы «громовая», хе, балка была поставлена так, чтобы на ней было удобно сидеть, чтобы она подходила и для маленьких людей, чтобы, черт возьми, не переворачивалась и не падала в выгребную яму, в самый неподходящий момент, хо-хо-хо! Исполняйте!

Обер-ефрейтор наметил на земле очертания выгребной ямы, дал каждому кирку и лопату в руки и поторопил их по-русски:

— Иван, работай, давай, давай!

Четверо хиви, так презрительно звали перебежчиков, оказались лентяями, а потому обер-ефрейтору все время приходилось их подгонять. Капитан Довач не впервые видел русских солдат так близко, но всегда рассматривал их с любопытством. Они были одеты в замызганные выцветшие гимнастерки. Один из них, похоже, кавказец. У всех серые небритые лица и угрюмый взгляд убегающих в сторону глаз. Золтан усмехнулся, когда почувствовал неуверенность и испуг в их взглядах. На их месте он, наверное, чувствовал бы себя точно так же, но капитан знал, что он никогда не станет перебежчиком и не попадет в плен, никогда!

Стемнело, когда закончили работу. Вдруг один из хиви неожиданно отбросил в сторону лопату и прыгнул в свежевыкопанную яму. Остальные бросились на землю. Чисто рефлексивно пригнулся обер-ефрейтор и тоже прыгнул в яму. Тень самолета, словно тень ястреба над цыплятами, сопровождаемая сердитым лаем авиационных пушек, пролетела сбоку, как раз над бункерами. Неужели штурмовик?

Золтан осторожно выглянул из-за ствола засохшей груши. «Железный Густав» развернулся на низкой высоте и полетел на бреющем полете в направлении бункеров и закопанных машин. К нему присоединились еще два русских штурмовика. Они начали стрелять из пушек, сбрасывать бомбы. Со всех сторон открыли огонь из пулеметов и двадцатимиллиметровой зенитки. То под одним, то под другим брюхом самолетов вспыхивали искры, как при электросварке. Обычные пули просто отскакивали от брони... но внезапно Золтан увидел дымный хвост — попали! Один «Железный Густав» оторвался от других самолетов и упал, объятый пламенем, в поле.

Обер-ефрейтор вылез из ямы и побежал к бункерам. Туда же поспешил и капитан Довач. Рядом с замаскированными машинами дымились глубокие воронки. В нескольких автомобилях виднелись сбоку пробоины. Из двух машин вытекал бензин. На бункерах тоже виднелись воронки. Повезло, что бомба не попала в крайний, то есть в склад со снарядами. На носилках выносили убитых и раненых.

Ночью опять было холодно, а к утру начался легкий моросающий дождь. Два штурмовика вновь атаковали бункеры. Многочисленные взры-

вы явно говорили о том, что бомба попала в ящики с боеприпасами. Но вот на пасмурном небе ласточками замелькали несколько немецких истребителей. Оба сбитых штурмовика упали, оставляя дымный след, куда-то под гору.

На этой неделе капитан решил вновь пойти в комендатуру и поднять вопрос по поводу питания венгерских солдат. Вот уже неделя, как нет продуктов. Кроме кислых консервированных щей и хлеба — ничего. Сахара и шоколада выдали только половину.

С утра не по-летнему было серо, как-то мрачно и скучно. Дождь и утром, и днем, и даже в ночь не остановился. Мелкий, с холодным ветром, он неприятно сек по лицу, набегал холодной водой за шиворот, мочил плечи, брюки, обувь. Разом раскисла дорога, как-то мигом посерели избы. Они теперь стали похожи одна на другую.

Дожди для Золтана привычны: в том месте, где он жил, летом часто бывало сыро, грохотали грозы, и с небес низвергались ливни, а потому он был привычен к сырой погоде. В детстве он любил в такое вот ненастье просиживать у окошка и рисовать на запотевших стеклах смешные рожицы.

Капитан, унтер-офицер и двое согнувшихся солдат шагали по расхлябанной дороге.

Дожди наполнили водой ручей, протекающий среди селения. Теперь на другую сторону можно попасть только по деревянному мосту. От сужающегося, как сквозь сито, мелкого дождя все вокруг словно смазано маслом, как в тумане: дома, деревья, дорога впереди. Улица шла на подъем. Между деревьями повис легкий белесый туман, а трава и кусты отяжелели от влаги. На полянке маленькая девочка поила козленка. Стояла, согнувшись: темная одежонка промокла и почернела на плечах и спине. Девочка съежилась, боясь пошевелиться. Неизвестно почему, но Золтан Довач позавидовал этому ребенку, которому всего лишь надо дать пойло козленку.

Тщательно обтерев ноги, он решительно открыл тяжелую дверь.

— Мы распорядились любого солдата, офицера именовать не иначе, как «пан», — заговорил капитан с холодной усмешкой, стоя навтыжку перед комендантом. — И теперь от всех «панов» исходит один и тот же характерный кислый запах. Его источает каждая наша вещь. И это не последствия специальной санобработки, нет, здесь все дело в кислом консервированном борще, которым мы теперь питаемся. Простите, почему мы киснем?

Белокурый, огромный майор Мюллер только развел руками, напомнив, что линия фронта слишком далеко ушла от Германии, а на оккупированных территориях злобствуют партизаны.

— Мы должны быть беспощадны, — заговорил он отрывисто, словно рубил тяжелым молотом провод кусок за куском. — Надо искоренять эту заразу, пока еще не поздно, иначе земля будет гореть под нашими ногами, а народ восстанет против нас. Конечно, сейчас фронт, основные силы наших армий воюют с войсками противника, но к сентябрю кампания закончится, тогда все силы бросят на зачистку территории. В армию опять будут поступать в должном количестве продукты, обмундирование и оружие.

Вон куда повернул. Из-за партизан, оказывается, не поступало свежее белье, не было мыла, зубного порошка, сигарет.

— Разрешите обратиться, герр комендант? — вытянулся капитан Довач, чуть кривя губы. — Нашим разездом разведки захвачены четверо

русского солдата, которые пытались пробраться к Дону, один из них ранен в голову. Что прикажете делать?

— Расстрелять!

— Есть! Хайль Гитлер!..

По остывающему от дневного зноя небу лениво плыли высокие облака. Западный край их отсвечивал розово-фиолетовым ореолом, а восточный — потемнел, словно его окунули в чернила. Под черной крышей колдца белело помятое оцинкованное ведро. Вот вдалеке прогремела телега, рядом, в сарае, по-человечьи закашлялись овцы. Аппетитно пахло жареным мясом, видимо, солдаты, жившие неподалеку, на другой улице, где-то раздобыли поросенка...

Крыльцо с раскрытыми окнами напомнило Золтану одну корчму, в которой он, будучи еще ефрейтором, побывал по пьяной лавочке вместе с другом Антосем Молнаром. Он запомнил вывеску — серая в яблоках лошадь и улыбающийся цыган. Да-да, корчма называлась «К арабскому серому». Оригинальное название.

Они тогда были пьяны и заказали остатки перкельта, того, что остался на дне котла, прикипел и пропитался соусом. Им сказали, что последки в каждом блюде вкуснее всего, они и варились подольше.

Он живо вспомнил, как им принесли поскребки перкельта из говядины. Соус загустел, словно выкипевший томат...

...Соус... красный, запекшийся... возле уха и заросшей щетиной щеки худого красноармейца... Соус... из-под руки второго, пожилого и усатого.

Всего часа два назад шестеро солдат — соседей, которые сейчас веселились вместе с несколькими селянками, угощаясь самодельным вином и жареной свининой, привели в исполнение приказ коменданта. А Золтан как офицер руководил расстрелом — внизу, в кустарнике возле оврага.

Лучше не думать о неприятном. Он на войне, исполняет приказ! Надо быть «eberlasting», твердым, как башмак корчмарки из прочной парусиновой ткани. Удивительное словцо в простонародном искажении заключало в себе игру слов, поскольку «eber» по-венгерски — бдительный. Да, на войне надо быть твердым и бдительным, ради прочного порядка.

...С каким аппетитом они с другом тогда ели мясо, да и не мясо даже, а просто кости, хрустели редиской — едой бедняков.

— Я устрицы очень люблю, — говорил, чуть картавя, Антос, священнодействуя над редиской и запивая стаканчиком крепкого сивьориума, то есть обыкновенной сливовицы.

Золтан решил и тоже заказал палинки, почти против воли, потому что стыдился немного этого заведения. Помнится, он, понюхав сливовицу, опрокинул твердой рукой в себя. Это была на редкость крепкая сливовая палинка — должно быть, излюбленный напиток дворников в зимнюю метель.

Ему вдруг до страсти захотелось выпить крепкого винца и заесть хорошим куском холодной жареной свинины.

Он достал губную гармошку и вновь вышел на улицу, на которой все стало сумеречно-серым, на небе уже пробилась две еще светлые звездочки. Пахло пылью, парным молоком, но сильнее всего жареным мясом.

Однако веселая венгерка так и не зазвучала в этот дивный, теплый вечер последнего дня июля.

Холодные пальцы надменной гордости сдавили горло: неужели он, аристократ, пойдет на унижение? Ни за что!

Вот из дома с низким крыльцом вышли трое подвыпивших солдат. Один из них, самый тучный, потерял спиной о забор и начал стаскивать с себя гимнастерку.

— Кто из вас спал рядом со мной этой ночью? — хмыкнул он, передегивая плечами. — Думаю, вы тоже подхватили кусачих ребят, вам теперь не будет скучно, хе-хе!

Оба его товарища тоже начинали смешно поддегивать плечами, потом один из них почесал под мышкой, а второй полез за ворот.

— Любят эти зверушки устраивать маневры то под гимнастеркой, то на макушке, — хехекнул, всколыхнувшись телом, толстяк.

— Ты про вшей говоришь, Омри? — ахнул маленький и чернявый солдатик и отшатнулся.

— Ну да. Про наших с вами теперь неразлучных друзей. Моих ты легко узнаешь, они сильнее кусаются, га-га-га!

Странно, но, услышав этот неприятный разговор, щепетильный Золтан внезапно почувствовал зуд по всему телу. А ведь хауптвахмистр во время построения всегда спрашивал солдат о вшах и советовал брать у санитаря соответствующий порошок. Вши? Откуда им взяться? Словно в ответ на его мысленный вопрос толстяк со вздохом пробасил:

— В большевистской России они всюду. Бороться с ними бесполезно. Можно выварить белье, но через несколько дней они появятся снова. Однако... привыкнуть к ним трудно.

«Да, хорошие персиктивы», — опять передегнул капитан. Он решил немедленно взять «Russia» у санитаря и заранее обсыпать себя, чтобы у него никогда не было этих распространителей тифа.

Чтобы не думать ни о чем таком, офицер прошел в сени, окунулся, как в воду, в полную темноту: в горнице тоже был мрак. Хлопнула скрипучая, какая-то надрывная дверь и отодвинула легкомысленные звуки далеко-далеко.

Сон перенес Золтана в далекую Трансильванию, в область Венгрии, граничащую с Румынией. 40-й год, война только началась, он зачислен резервистом второго эшелона к «серым петличкам» — в 51-й пехотный полк. Полк стоял в Коложваре, родном городке дедушки. Ефрейтор выглядел настоящим воякой. На нем грубая, казенного пошива гимнастерка пехотинца, узкие синие брюки и смазанные ваксой желтые башмаки, талию перетягивал ремень с орлом на медной бляхе.

Коложвар подобен красочной долине, вбирающей в себя разные потоки окрестного населения. Сколько сел — столько нарядов, причесок, фигур, ленточек, юбок, платков. Группами, держась за руки, гуляют секейские девушки. По манере разговаривать они отличаются и от румынских, и от венгерских девушек, которые ведут себя более свободно и весело, а в одежде предпочитают ярко-красные цвета.

Теплый и ласковый вечер, воскресенье, толпа пестреет, точно павлиний хвост. Многие девушки вызывающе заглядывают ему в глаза, хихикают и окликают. Еще бы, Золтан в своей грубой армейской гимнастерке и кованых башмаках вполне сходит за деревенского парня.

Он слегка навеселе, ведь завтра идет на войну, пьян еще и от внимания девушек. Парень бойко перемигивается с шалуньями, пытается их обнять. Словом, ведет себя, как полагается молодому солдату. Одна из девушек в красном платье, с черной, налезавшей на глаза челкой вдруг останавливается, смотрит холодно и громко спрашивает:

— А вы, офицер второй армии, 106-го моторизованного полка, как очутились здесь, ведь вы же должны быть в другой форме и в другом месте?

— Но... я... дома... в отпуске... — начал оправдываться побледневший Золтан, чувствуя, как забилося его сердце.

— Дома? — удивились сердитые глаза. — Твое место там — у мелких гряд реки Дон, твоё место в Порточках! Так ведь у русских называются штаны, ха-ха-ха? Разве не так же называется улица, где ты сейчас живешь? Разве твою хозяйку не зовут Катериной?

Девицы кругом тоже начали громко смеяться и показывать на него пальцами.

— Нет, — стал оправдываться ефрейтор смущенно, — просто ты мне нравишься, вот я и... нарядился.

Тогда красавица сердито вцепилась ему в руку и гневно закричала: — Держите его, он переодетый партизан! Я обнюхала его одежду, от него пахнет лесным грибным духом.

Золтан проснулся с ощущением страха. Первое, что сделал — оцупал лежащий на сундуке пистолет. Невдалеке прокукарекали друг за другом петухи, напоминая про наступление утра.

То ли побоялись беспокоить, то ли впрямь про него забыли, но солдаты так и не позвали его на пирушку, не угостили свежим жареным мясом.

Ладно, про него забыли, но он не забыл. Сегодня же пошлет всю орду на передовую к Дону, пусть следят за рытьем окопов да накатывают еще один блиндаж на господствующей высоте у обвала между Первым Сторожевым и Аношкино.

5

Золтан решил вплотную заняться чернявой красавицей, низкая челка которой прятала злые, пылающие ненавистью глаза. Пусть ненавидит, ему плевать! Как приятно подчинять того, кто готов тебя убить.

«Мы чужие, — думал он с усмешкой. — Она русская, я венгр. Она черноволосая, смуглая, а я, наоборот, рыжий и в веснушках. Я мужчина, а она женщина, я плюс, а она минус, вот в чем прелесть. Я ее завуюю и точка! Подучу русский язык, и козыри окажутся на моей стороне».

Капитан завел тетрадь, куда он записывал русские слова, и теперь все время приставал к хозяйке, показывая то на тот, то на другой предмет, называл его по-своему, а потом ждал ответа, несколько раз переспрашивал, уточнял и тщательно записывал. Записывал целые выражения.

Они с бабой Катей игрались, словно дети. Теперь, показывая на предмет, капитан добавлял на ломаном русском языке: «А у нас» и называл по-своему, а потом, смущенно улыбаясь, спрашивал: «А у вас?»

Бабушка смеялась и не скупилась на прибаутки.

— А у нас за печкой квас, а у вас?

— Шито-шито? — с удивлением переспрашивал Золтан и по-своему записывал и эту смешную фразу.

— Шито перешито — да худое корыто, — с серьезным видом отвечала бабуля, а потом смеялась. Он тоже смеялся, вникая в смысл слов.

Вдруг в окошке мелькнула фигура, а через мгновение бряцнула петля на уличной двери, кто-то шел в дом. На этот раз чернявая красавица была в желтой кофте и серой, длинной до пят юбке.

На миг у молодого капитана перехватило дыхание, а на душе стало тепло. Ему хотелось схватить губную гармошку и заиграть веселую вен-

герку, душа так и просилась в пляс. Против его воли щеки порозовели, а губы дряхнулись в улыбке. Тело произвольно двинулось вперед, когда он встал навстречу.

— Доннер ветер! — пробурчал, робея. — Как же красива эта девушка, она просто сводит меня с ума.

Черные блестящие глаза вспыхнули, словно девушка понимала немецкий язык.

— Пан капитан, — сказала она, краснея и напряженно улыбаясь, — нам нужна лошадь.

Вот она потупила глаза, ее густые ресницы вздрагивали, а смоляные дуги бровей выжидающе приподнимались слегка вверх. Как будто она пришла на свидание и ожидала признания.

— Шито-шито нам нужна... ви сказали?..

— Лошадь с телегой, чтобы перевезти сено...

— А у нас дас пферд, а у вас?

Баба Катя подмигнула госте, приглашая к столу.

— А у нас вас ист дас? Пан офицер обязательно лошадку даст! Чайку выпьем, глядишь, дело и сладится.

На скобленном столе накрыта белая скатерть, лежит шоколад. Блестит бутылка коньяка.

Золтан сморщил лоб. Бутылка на столе, стаканы — нехорошо: неудобно перед дамой. Надо бы немножко вина принести в хрустальном бокале, но у тети Кати отродясь не было рюмок.

На улице раздался характерный треск. У калитки притормозил мотоцикл. Юный капрал вбежал с донесением.

— Господин капитан, вам приказано завтра в четыре утра отправить три машины с солдатами, а также две машины со снарядами на передовую, в сторону Урыва, на квадрат...

Раскрасневшееся лицо повело вопросительными глазами в сторону красивой девушки, ведь донесение секретное. Золтан качнул головой, мол, тут немецкого никто не понимает.

— Каков номер квадрата? — спросил он, улыбаясь.

— 16 и 46 запад-юг... Роща Ореховая.

— Хотите выпить, Петрес? — любезно пригласил Золтан гостя к столу. — Пять капель...

— За красивую девушку, — повел тот горячим глазом. — Я вам завидую, господин офицер, где вы откопали такую пани? Ее можно назвать донской русалкой.

Крякнув, посыльный выпил пятьдесят граммов крепкого коньяка и мечтательно посмотрел на девушку в желтой кофте, на ее смоляные кудри — какая куколка!

Донскую русалку звали Наташей, у нее был звучный, мягкий голос. Она тоже решительно выпила коньяка и, пристально глядя в прозрачно-голубые глаза чужака, запела высоким голосом:

Летят утки, ох, летят утки

И два гуся...

Ох, кого люблю, кого люблю...

Вряд дожду-ся...

Эту песню хорошо знала и хозяйка. Подперев кулаком красную щеку, она глядела глазами, полными слез, на потолок в сторону блестящих икон и подпевала тоскливо, со всхлипом.

Песня спета, гостя встала уходить.

— А у нас гуд, хо-ро-шо? — сказал Золтан, желая спросить, как ей понравилось.

Наташа кивнула, опять потупив глаза.

Тетя Катя знала, как оформить нужный пропуск. Для этого капитан дает разрешение, а староста выдает транспорт.

Подавая нужную бумагу, капитан взял девушку за горячую руку и пожал ее.

— Приходи, — сказал он ласково, — а у нас хо-ро-шо...

Он достал губную гармошку и весело заиграл венгерку. Наташа, подбоченившись, весело прошлась по кругу, дробно простучали каблучки.

— Вернусь, обязательно спляшем! — весело крикнула она, покрываясь румянцем.

Часом позже она передала записку тете Кате, в ней так же по-немецки было добавлено: «Выдать пуд муки, полмешка ржи и килограмм соли». А вместо одной телеги требовалось три.

Смуглый коренастый автоматчик с остервененьем тыкал дулом в худую спину в кровь избитого лохматого мальчишки, который громко всхлипывал и повторял одно и то же:

— Виноват, что ли?.. Самолет сбросил, а я деду на курево поднял...

Сразу прямо бить...

У белого дома бабушки Кати остановились.

— Партизан! — услышал Золтан, выйдя на крыльцо.

Он представлял партизана бородатым громилой, а перед ним стоял худенький, лет двенадцати мальчишка, с синяками под глазами, разбитыми губами и заплаканным лицом. Его светлые волосы скатались с одного бока в коричневатый спекшийся колтун, а босые ноги и обнаженные по локоть руки были грязными и загорелыми до серости.

Задержали «партизана» по дороге из Первого Сторожевого. При обыске обнаружили листовку, точнее скомканный, разорванный напололам листок. Странный листок, вырванный из обыкновенной тетради. Откуда он его взял? С самолетов сбрасывали листовки, но другого образца. Капитан попробовал прочитать сам, потом позвал переводчика.

«...Скажите, зачем пришел фриц на нашу землю? Вот, скажем, Наполеон подошел к Москве и на Поклонной горе ждал, когда ему принесут ключи. Его армии дали ключ от двери на тот свет. А гитлеровцы мечтают, чтобы их встречали на земле русской цветами. И их мечты сбудутся. Сама мадам Смерть в черном плаще с ржавой косой в левой руке поприветствует их огненными султанчиками и при этом споет песню рвущихся снарядов...»

Клок от листовки был вырван, и только в углу было написано понятное слово «катюши», обозначающее реактивное, очень опасное русское оружие.

Человека, распространяющего листовки, ждала неминуемая смерть. Для мальчишки дело было еще хуже, он должен был сказать, кто его послал, где настоящие партизаны. Теперь его будут бить, пока не забудут до смерти.

При слове «партизан» капитана охватила ярость, он поджал губы, похолодел глазами и, выхватив пистолет, злобно сказал:

— Отвечать, где взрослый партизан, или я тебя стреляйт!

— Виноват, что ли?.. Самолет сбросил, а я деду на курево поднял...

Сразу прямо стрелять! — угрюмо забормотал мальчишка.

Тут из-за белых стволов росших рядом берез словно бы вынырнула желтая кофта. Взволнованная Наташа махала руками и бежала к крыльцу. Она споткнулась, оступилась, падая на одно колено...

— Поцадите ребенка, — закричала, поправляя левой рукой смолистую кудрявую прядь. — Я учительница, я знаю Сашу Гречишкина, я могу за него поручиться.

— Нет! — жестко сказал Золтан.

— Пан капитан, я умоляю вас... Ваша честь, не воюйте с детьми.

Последние слова Наташа сказала, путая русские слова с исковерканными немецкими.

Золтан раздумал вести мальчишку в комендатуру, велел запереть в подвале.

Наташа пришла вечером. Она старалась быть веселой, только все кусала губы, а в глазах, в ее черных и глубоких глазах, горел какой-то дьявольский огонь.

Девушка дрожала телом, когда жадные руки обняли ее талию, а губы уткнулись в ледяные кончики ушей. Венгерский офицер был словно запылен: и лицо, и шею покрывал пух белесых волосинок, чужое холеное лицо пахло мятой и сигаретами. Она передернулась и будто облилась ушатом ужаса от прикосновения враждебного ей человека, стараясь преодолеть отвращение.

— Давайте погуляем, господин капитан, — предложила, освобождаясь от объятий.

— Карашо!

Золтан позвал хозяйку, глазами показал на ключи от подвала и кивнул головой.

Тетя Катя всхлипнула, перекрестилась на иконы и, схватив связку, мигом исчезла.

«Что я делаю... но ведь там мальчик... какой он партизан... пусть живет... я ведь тоже был мальчиком... и меня никто не бил...»

Как положено, в направлении на Урыв выехало пять машин. В открытом поле их настигли два штурмовика и три истребителя с красными звездами на крыльях. Справа были минные заграждения, а слева убранное поле овса.

В переднюю машину с солдатами попала бомба, а затем к этому добавились два страшных взрыва машин со снарядами. На бреющем полете самолеты расстреливали разбежавшихся солдат.

Капитана Довача спасло то, что шестая машина с продуктами задержалась и должна была выехать только к вечеру. Шофер Рацы Голгоцы погиб.

Предыдущий опыт заставил Золтана распределить обучающихся по определенным категориям, связанным с выслугой лет и участием в боях на фронте. К первой категории он относил тех, кто носил на рукаве два шеврона как обер-ефрейтор или еще дополнительную звезду как штабс-ефрейтор. Они были освобождены от постоянных грязных работ во дворе, в отхожем месте, на кухне. Им позволялось несколько более вяло

шаркать ногами по местности, ухмыляться, стоять и потирать колени при команде «Ложись!» В следующую группу входили ефрейторы, имеющие значки за ранение, но еще слишком молодые, а потому их муштровали чуть сильнее, но не так, как новичков. Последних гоняли до восьмого пота, то есть, как выражался ротный хауптфельдфебель или на языке солдат «ротная матушка»: «Поддаю болванам такого жара, что в их башках начинает кипеть вода для кофе, а из ушей струится пар».

Из штаба поступил приказ об усилении обороны в районе Коротояка. Резервный батальон в количестве десяти машин с солдатами спешно перебрасывался вместе с шестиствольным минометом, который русские прозывали «ишаком», в этот очень опасный район.

...Машины выехали на опушку леса, с высокого берега был виден растерзанный городишко. Весь в дыму и пожарах. И в этот адский котел Золтану надо обязательно попасть.

Встретившие батальон мотоциклисты, посланные для сопровождения, рассказали, что еще утром, сразу после артподготовки, а точнее после игры «сталинского органа», так тут называют страшное оружие русских, «катюши», роты вражеских автоматчиков устремились вперед.

— ...Были вынуждены бросить дымящуюся кухню с готовым обедом, и, что обидно, почту... посылки, письма... предназначенные для Венгрии.

— Здесь воюют наши части, — почему-то обрадовался Золтан, чувствуя, как спадает напряжение неприятного ожидания, чувства страха перед передовой.

Приказано атаковать русских в районе взорванного моста через реку. Вот заскрежетал немецкий шестиствольный миномет. Над городом, занятым русскими, появились немецкие бомбардировщики. Разорванной уробой ухала и ахала, клубясь разрывами и пылью, истерзанная земля.

У разрушенного здания церкви машины батальона, которым командовал капитан Довач, были остановлены немецкими солдатами из спецкомендатуры СС, одетыми в черную форму. Вместо приветствия, выругав Золтана за опоздание, майор приказал машины отправить в тыл, а батальону занять позиции и немедленно атаковать железнодорожный вокзал.

Сбросив бомбовый груз, пролетел русский «Железный Густав». Прежде чем он скрылся из виду, немецкие истребители со свистом пронесли следом, садясь ему на хвост, пулеметы застрочили кузнечиками в жарком душном воздухе.

Вражеский миномет методично обстреливал улицу и два полуразрушенных дома. Золтан вспомнил содержание листка, который нашли у мальчишки. Русские и впрямь слали и слали венграм смертельные «цветочки», которые при этом воют, то есть напевают романс «Капут!» А что, если обойти эту опасную зону?

Желая осмотреться, офицер поднялся на второй этаж полуразрушенного здания, вжался в закопченный угол и, отодвинув обломки кирпича и штукатурки, осторожно выглянул в окно. В бинокль увидел, как группа солдат противника суетится возле полуразрушенной стены. Он обратился в слух, распознавая разницу между звуком пулеметных очередей наших и противника. У русских пулеметов — глухой кашляющий звук, в то же время как немецкий пулемет производил щелчки высокого тона.

«Что они делают? — подумал с любопытством, на мгновение фиксируя на них свое внимание. — Стреляют из миномета». В этот момент в расчет угодил снаряд. Он, видимо, попал в ящик с минами. Высоко взмет-

нулася земля, а двое или трое изувеченных вражеских солдат были отброшены в разные стороны. Миг — и от минометчиков не осталось и следа, лишь дымилась зловещая воронка, да наверху холмика торчала труба.

«Ага, теперь можно идти в атаку», — решил Золтан, выхватывая пистолет...

Приказ: захватить подход к переправе любой ценой...

...Что он медлит?.. Ах да! Надо... вперед!.. Грохот, жара, пыль, гарь... свистят пули, с визгом впиваются в стены и во все живое. Внезапно капитан почувствовал сильный удар и упал. Встал, ощупал себя: в нагрудном кармане лежала сплюснутая фляжка. Она-то и спасла ему жизнь.

«Надо бы надеть солдатскую каску и взять автомат, — лезет в голову спасительная мысль. — Что я могу с пистолетом?» Вперед! — пронзительно свистит свисток.

...Рядом взорвалась прилетевшая с русской стороны граната, упали оба бегущих рядом с ним автоматчика, дико закричал и запрыгал раненый в ногу сержант...

Главное, не потерять голову, хотя... он командир, он должен вести солдат... В дыму впереди мелькают вражеские солдаты, палец остервенело жмет курок.

Вот из-за обломков перекорезанных машин ему навстречу, словно из-под земли вырос русский в защитной гимнастерке, рыжий красноармеец. Здоровяк кричал, набега и размахивая винтовкой, как дубиной...

На миг Золтан услышал визг, а затем Наташин смех, заразительный хохот...

«А ведь я ее больше не увижу, — мелькнула мысль. — Этот рыжий дикарь меня убьет».

Венгр хотел выстрелить в русского из пистолета, но в том уже не было пуль, тогда правая рука выхватила из-за пояса финку.

Рассудила их разорвавшаяся рядом немецкая граната. Золтана взрывной волной отбросило в яму, а русского осколок ударил в висок.

Тысяча зуммеров звенели, сводя с ума, в ушах капитана, во рту и в носу был песок. Сбитая осколком офицерская пилотка была разорвана напополам. Но он был счастлив, что остался жив, что скоро вновь увидит черные кудри Наташи.

Ночью отправились в западную часть Коротояка по шоссе, пользуясь только лунным светом, среди неглубоких воронок, объезжая опрокинутые телефонные столбы. Густой едкий дым тлеющих пожарищ не давал дышать. Слева и справа виднелись обгоревшие обломки разной военной техники. Недалекие языки огня, гул и грохот, черный дым. В воздухе чувствовалось жаркое дыхание войны. Русские отступили, но продолжали яростно огрызаться. Чем ближе к железной дороге, тем ближе к машинам падали снаряды.

— Вечернее благословение от Ивана, — проговорил шофер. Он хотел развеселить себя, но ему было страшно. А в воздухе какой-то новый звук, будто хлопает крыльями многотысячная стая птиц.

— Выпрыгивайте! Быстро! — распахнул дверку водитель. — Это «сталинские органы»!

Выскочили из машины и укрылись за сожженным бронетранспортером в воронке.

Вшиу, вшиу, вшиу... — вибрирует небо, и позади яростным смерчем грохочут взрывы от «катюш». Над головами со свистом пролетают осколки. Слышатся крики, зовущие санитаров.

На фоне освещенного огнем пожара неба виден биплан, который летит в сторону шоссе. Шофер заглушил машину. Хорошо, что и в аду можно прятаться...

В дневнике Золтан записал: «Богородица в очередной раз спасла меня от смерти, так как я поступаю правильно. Я твердых взглядов и намерений человек, я хозяин, но Наташа стала моей госпожой. Может, оно и к лучшему, ведь она не позволяет мне потерять человеческое достоинство. Она — молодец, она очень хозяйственная, красивая и вместе с тем чистая девушка. Чистая девушка делает более значительным и мое присутствие здесь. Она нужна мне, а я ей. Вот уже третий раз я даю повозку для ее семьи, помогаю вывезти с поля сено, снопы с хлебом. Разве не так должен поступать настоящий хозяин? А какие здесь прекрасные земли! Какие бесконечные поля! Отдали бы их мне».

7

В душе Митрошки долго бушевал пламень от страшного нервного потрясения. Он, будучи в отрешенном состоянии, присутствовал при похоронах брата. Могила Коляна прилепилась у поломанной старой ограды чужого сельского кладбища, между двумя склоненными, будто в плаче, березами.

А потом парень впал в беспамятство и целую неделю горел в бредовом огне, все звал маму, сестер и брата.

Он не знал, ездили ли родные на станцию Пухово, однако, когда пришел с теткой Евдокией на кладбище, то увидел свежий песчаный холм с деревянным крестом рядом с могилой Коляна. Здесь теперь покоились останки его сестер и матери.

Березки обмахивали длинными зелеными ветвями свежие белые кресты. У цветущих ромашек жужжали, неустанно трудясь, пчелы. В голубых небесах с визгом носились стайки-слетки стрижей. Душисто пахло скошенной травой. Смуглый Митрофан стоял обугленной чуркой и тупо глядел на кресты. Тетка завывала в голос, запричитала, а потом, поглядев на мрачного сироту, смолкла, так его было жалко.

Он чуждался теткиных ласк, со стола не хватал, как его двоюродные брат и сестра, блины и вареные картофелины, нет, это он отдавал мысленно отцу, чтобы у того был метче глаз. Он обходился ломтем хлеба и ожесточенно хрупал горечь лука, чем и обижал, и пугал тетку.

«Убегу, — об одном думал упрямец, — стукнет шестнадцать и уеду. Вон Сергея Мызникова с нашей улицы в армию забрали, а он ниже меня ростом был, да и в плечах не шире. Скажу, документы потерял, а в заявлении припишу два года. Мне бы только в снайперы попасть, а там уж и с отцом встречусь».

Валентина перед отъездом написала письмо мужу, указала новый адрес. И вот на окраину Давыдовки, ближе к заросшему тростниками пруду в деревянный почернелый дом пришло солдатское письмо с фронта — маленький, желтоватый треугольник.

Отец был жив и здоров, чего желал и своим родным. Спрашивал, как им живется на новом месте, какие желания они загадывали, когда легли спать впервые на новые постели. Он бесконечное количество раз обнимал и целовал дочерей, а Фенечку, младшенькую, особенно.

Отец метким огнем сумел подавить две огневые точки на господству-

ющей высоте близ города Калинина, за что его наградили медалью «За отвагу».

Он обращался к сыновьям, наказывал «крепко» беречь маму и сестер, быть для них надежной опорой, ведь они теперь «мужики в доме».

Еще отец спрашивал, а далеко ли дом от железной дороги и от станции, не разбомбят ли немецкие самолеты? Советовал маскировать окна, чтобы не было видно света.

Тетка была рада письму, может, хоть оно как-то согреет сироту.

«Убегу, — мечтал «Мрачный цыган», так на улице прозвали угрюмого Митрошку, — вот исполнится шестнадцать, обучусь стрелять как надо и... уеду. Отец ничего не знает, тетка просила ему не писать, правильно, зачем «губить», а я должен мстить!»

8

Венгры, науськанные полицаем Вепревым, остановили воз сена по дороге в сторону Сторожевого. При тщательном досмотре были обнаружены два раненых красноармейца, шесть винтовок и около трех десятков патронов, спички, махорка, четыре куска мыла, узелок с солью и пшеном.

Перепуганные, избитые в кровь, мужики не могли толком понять, а тем более объяснить, откуда в сене солдаты, оружие, ящик с продуктами.

При проверке выяснилось, что староста села Архангельское пособничает Красной Армии и уже в третий раз выдает лошадей якобы для подвоза сена в хозяйство Духаниных.

Была арестована группа подозреваемых лиц, среди них оказалась и Наташа, или, как значилось в протоколе, учительница немецкого языка Наталья Ивановна Духанина.

Почти неделю находился Золтан в пылающем Коротояке, в пекле боя. Его рота потеряла больше половины бойцов, а потому была откомандирована в тыл. Завтра он отметится в комендатуре, а сегодня у него гостит прибывший с передовой на отдых надпоручик Габор Дулич. Он изрядно выпил, а потому стучал по столу кулаками и доказывал, достав испещренную синим карандашом карту:

— Мы намного сильнее русских. Мы, хорошо вооруженные, зарылись в землю, установили проволочные заграждения и минные поля.

Он тыкал в карту, в то место, где Дон делал изгиб, напоминающий девичью грудь.

— Меловые укрепления правобережья Дона господствуют над позициями русских, делают наступательные действия практически невозможными. Наши минометные и артиллерийские батареи обозревают оборону красных как на ладони и довольно метко обстреливают.

Жадная рука вновь плеснула шнапса в стакан. Ложка щедро черпнула картошки с тушенкой...

— Красная Армия голодает, у вояк всего одна винтовка на троих. Еще немного, и мы их прихлопнем! Немцы разберутся под Сталинградом и к зиме возьмут Москву, зиг хайль!

Увы, напрасно надпоручик убеждал Золтана в неприступности «воронежского мелового Измаила». В ночь с 5-го на 6 августа был форсирован Дон в районе села Первое Сторожевое — прямо напротив меловой

горы, то есть высоты 187,7, а через три дня после взятия Сторожевских круч русские отбили на правом берегу узкую полосу земли между селами Щучье и Переезжее, то есть взяли высоту 160,7.

«Как же это красноармейцам, еще недавно панически отступавшим, удалось взять эти неприступные, казалось бы, высоты, ведь крутой берег прочно и надежно укреплен, позволяет просматривать и держать под огнем любые подходы к реке в пределах десяти километров? — ломал голову капитан Довач. — Как это мы проглядели такую глобальную подготовку к штурму? Видимо, русские сумели черными безлунными ночами проташить через густые заросли орешника и лозняка к самой воде лодки-плоскодонки, воспользовались густым утренним туманом, который долго не рассеивается в низинах, в излучинах реки Дон. Да, русские использовали эффект неожиданности в полной мере! Место для атаки, пожалуй, самое невыгодное для русских, вот наши сторожевые посты и расслабились.

Глядя на карту, капитан понимал значение этих плацдармов для противника. Большой мыс, вытянутый на восток от линии Сторожевое — Урыв, огибался Доном, надежно обеспечивая его от фланговых ударов. Лес западнее села Титчиха закрывал район возможных переправ. Господствующие высоты на плацдармах обеспечивали хорошее наблюдение, а глубокие овраги западнее Селявного и Сторожевого создавали естественные противотанковые препятствия.

Бои на Дону — это хорошо продуманная русскими операция по расширению и укреплению Сторожевского плацдарма. Красивая грудь превратилась в больной чирей.

На следующий день, проходя по коридору комендатуры, то есть просторной кирпичной избы бывшего правления колхоза, Золтан увидел черноволосую девушку в мятом, разорванном на плече и на груди желтом платье со связанными размочаленной веревкой руками, которую конвоировал солдат. Не веря глазам своим, он узнал Наташу. А она его словно и не признала, прошла мимо. В ее растрепанных волосах вороненого цвета золотинками путалась солома, а по щеке наискосок шла глубокая царапина.

Из двери выскочил русский полицай, толстый и визгливый мужик с красным и злым лицом.

— Попалась, сучка, московская штучка! — заорал он азартно, словно пронзая порванное на груди платье Наташи жадным взглядом масляных глаз и облизываясь. — Давно пора на первой яблоне повесить. Упрощу пана Мюллера отдать тебя на сутки, а то и на двое, уж я поразговееюсь. С живой не слезу! Теперича, стерва, от меня никак не открутишься!

Наташа опять повела черным глазом в сторону венгерского капитана, но сделала вид, что не знает его.

Раньше Золтану светлый дом комендатуры напоминал дом его друга детства. Сейчас он увидел другой коридор — тюремный, а русский полицай разом стал ему враждебен.

...Это ошибка, разве может Наташа быть опасной? Да, опасна ее красота и, разумеется, русский толстый полицай — отвергнутый жених. Это его месть, а для нее — расплата за красоту. Меня хотят убедить, что и Наташа — партизан. Но тогда получается, что все дедушки, бабушки, дети, женщины — враги. Нет, культурный человек не может быть партизаном! Тут ошибка. Честь офицера — эту ошибку исправить.

Белокурый майор Мюллер был рад увидеть худосочного офицера Золтана, который помогал партизанам ради того, чтобы перед ним кокетничала русская фройлен. Синие глаза его возбужденно блестели, сейчас он раз и навсегда отобьет охоту у этого мадьяра соперничать с ним.

— О-о-о, капитан Довач, как же вы вовремя. Опять пришли требовать паек для своих солдат?

— Не откажусь...

— Увы, паек для своих солдат вы уже проели. Вернее, его проели другие... многочисленные родственники одной русской красавицы — Наташи Ивановны Духаниной. За что вы ее облагодетельствовали?

— Простите, господин майор, но я таковой не знаю.

— Разве Золтан Довач успел забыть даму, которая долгое время шокировала венгерских солдат своим вызывающим красным платьем, коварными черными глазами, великолепными черными кудрями? А не она ли вскружила вам, боевому офицеру, голову? И вы стали забывать о том, что идет война, что мы находимся на линии фронта, а противник пока не побежден?

Венгерский капитан вытянулся в струнку перед майором, как старшим по званию.

— Противник будет побежден! — крикнул он звучно. — Зиг хайль!

— Н-да, — усмехнулся Мюллер. — Ну, а... что вы скажете вот на это? Не хотите полюбоваться на подписанные вашей рукой документы?.. Жаль, но такой красивой девушке вы, да, именно, вы, подписали смертный приговор.

Золтан взглянул на записки от старосты о подводах для сена, не понимая, куда клонит майор.

— В чем ее обвиняют?

Мюллер с немецкой точностью объяснил. Потом долго глядел в упор, пристально и тяжело.

— Теперь, выходит, она оказывала содействие партизанам, а это карается смертью... Вам сейчас предстоит небольшое дельце, — усмехнулся, сузив щелки глаз и пуская дым сигареты колечками, — вам нужно будет вздернуть на виселицу, что сооружается возле школы, всех тех родственников Духаниных, которым вы выдавали повозки. Всех пятерых мерзавцев, вместе с мальчишкой и возчиками, да еще двоих красных солдат. Они — организаторы диверсий, направленных против немецкого командования.

Это было очень серьезным обвинением. Выходило, что он, венгерский офицер, является пособником партизан.

— Прошу отправить меня на передовую, герр комендант, где я могу смыть свой позор кровью!

Мюллер был доволен. Так он и сделает. Чуть позже.

— Твоя Наташа может остановить казнь. Убедите ее, капитан Довач, черт возьми! Убедите ее на сотрудничество с нами или идите и приведите приговор в исполнение. Кровью врагов вы можете смыть позор, который лег на вашу честь.

— Есть!..

Золтан с суровым лицом и злыми глазами подошел к Наташе. Покрытая золотыми волосами рука потянулась к кобуре.

— Ты переправляла через Дон вражеских солдат, чем нарушила немецкий ордуниг, а это карается смертью!

Наташа, стиснув до крови губы, отрешенно смотрела на стену. Капи-

тан заметил, как подергивается темное веко ее левого глаза, как дрожит рука. Она молчала.

— Сейчас ты увидишь тех, кого посылаешь на смерть, — пообещал Наташе майор и вышел в коридор, желая кликнуть вестового.

Золтан переменялся в лице.

— Наташа, я вас спасу, но времени нет. Я прошу, соглашайся?

От волнения он забыл все русские слова, говорил по-немецки. Она по-прежнему молчала, только покраснела.

— Я знаю, я вижу, как они добиваются тебя: и майор Мюллер, и толстый полицай. Они этого требуют? Говорите же скорее, ведь сейчас сюда придут.

Она посмотрела холодно, затем, пересилив себя, ответила тоже на немецком языке.

— Не ради себя, но ради невинных, говорю вам — да! Они принуждают, запугивают... Мордан Вепрев всегда меня преследовал, теперь еще ваш Мюллер...

— Простите, честью офицера клянусь, я полюбил вас. А потому соглашайтесь на все условия Мюллера, не злите его...

— Полицай Вепрев и под вас копает, давно в комендатуру доносит...

Дверь с грохотом распахнулась. Вошел, мрачно улыбаясь, комендант. Тяжело сел и крикнул:

— Введите!

Один за другим заходили измученные, в кровь избитые арестанты. Лицо бывшего старосты почернело от побоев. Особенно страшны были красноармейцы, еще совсем молодые ребята. Один из них был ранен в голову, а другой в руку. Когда их били, то раны открылись, а потому половина лица у одного и плечо у другого были темно-красными от крови. Ослабевшие, они едва держались на ногах и тяжело дышали широко раскрытыми окровавленными ртами. У обоих спереди были выбиты зубы. Полицай втолкнул мальчишку.

Тот вцепился в дверь, но тут же, получив крепкий удар сапогом под зад, отлетел едва ли не на середину комнаты. Страх прорвался из груди воем, а из больших вытаращенных глаз — крупными слезами.

— Заткнись! А ты любуйся, курва! Любуйся на тех, кого сдала! — Краснолицый полицай повел взглядом на коменданта, тот едва заметно кивнул. — Это она вас предала, — объявил, жмурясь, Прошка. — Она рассказала и про сено, и про красноармейцев. Она — главный свидетель.

Наташа стала белой, только ее глаза потемнели. Девушка молчала.

— Вести на казнь? — спросил Прохор, косясь глазом на плитку шоколада на столе. — Дайте еще двух автоматчиков, пан комендант.

— Вам поможет офицер венгерского батальона Довач, исполняйте! Несчастных погнали на улицу. В кабинете остались трое.

Капитан вытянулся перед майором, который жадно пил холодный чай.

— Я согласна, — прошептала белая, как мел, Наташа, стиснув руки и, закрыв глаза.

— Господин комендант, партизанка согласна выполнить ваши требования.

Белобрысый Мюллер улыбнулся, хотя глаза остались ледяными.

Он быстро написал записку и передал капитану.

— Это хорошо. Передайте Вепреву, пусть отпустит задержанных.

— Есть! Зиг хайль!

Однако в записке был приказ — расстрелять. Приказ есть приказ. Золтан привык выполнять приказы, правда, на этот раз получалось, что он предал Наташу. Мало того, что сам уговорил, отдал в лапы этого белокурого бездушного немца честную девушку, которую полюбил, теперь еще должен был расстрелять ее родных и близких. Позабавившись вволю (от этих мыслей Золтана затошнило), Мюллер прикажет и ее расстрелять, да что расстрелять — повесить. Немецкий майор решил стереть в пыль его душу, все хорошее, что еще осталось. И он обязан исполнить!.. Ловко же обошелся с ним Мюллер, ловко, ничего не скажешь!..

Раненный в голову красноармеец упал. Полицай яростно пнул его сапогом.

— Вставай, сволочь краснопузая, скоро вволю належишься!

Капитан воспользовался временной остановкой, присел на камешек и достал из планшета карандаш, чтобы сделать в записке от Мюллера приписку.

— Срочно вернись в комендатуру и доложи о том, что задание выполнено! — приказал он пожилому сивоусому автоматчику. Затем твердой рукой по-немецки, подражая коменданту Мюллеру, дописал после слова «расстрелять» еще слова «пособника партизан бывшего полицая Вепрева». Записку сунул в нагрудный карман, на всякий случай.

Остановились у обрывистого отрожка оврага. Глинистый край окаймляла заросли молодого осинника, так что обнаженные корни хвостиками свисали вниз. В глаза светило солнце, теплый августовский ветерок трепал волосы, вкусно пахло житом.

У обреченных были связаны руки, а потому староста и двое возчиков вслух бормотали молитвы, просили у Бога, у жены и собственных детей прощения.

Старосту повели к краю первым.

— Разрешите, пан офицер, я сам? — взглянул на капитана Прохор, снимая с плеча винтовку.

Тут он увидел на руке обреченного часы.

— погоди, окаянный, — заржал Прошка, — сначала расплатись за то, что сейчас избавим тебя от всех мук.

Он положил винтовку на землю и вцепился в руку старосты.

Золтан извлек свой пистолет, с невозмутимым лицом взвел курок. Жаль, но что делать. Он выстрелил в наклонившегося полицая, и тот мешком рухнул в овраг. Так же хладнокровно он расстрелял старосту и обоих красноармейцев. Остальным показал в сторону поля:

— Мины!

Затем, не оглядываясь, быстро зашагал в комендатуру, надо было спасти Наташу.

Мюллер сидел в своем кабинете, гнусаво напевая веселую песенку и наливая очередную рюмку коньяка, которую заедал шоколадом. Он щедрой рукой плеснул и офицеру-союзнику.

— Ты сделал свое дело, а я сделал свое, за это надо выпить. Сегодня вечером нам раздали пайки.

У Золтана потемнело в глазах, когда он представил, как белые широкие ладони коменданта лапали девушку. Он залпом выпил.

— Ты славный малый, капитан Довач, высокий, красивый. В твоей жизни будет столько блондинок и... кудрявых брюнеток... Тебе ведь не снится смерть?

— Не снится, герр майор! Разрешите идти?

Комендант откинулся назад, щуря глаза и хлопая ладонью по столу.

— Стой! Я решил устроить тебе свидание. Хочешь? А то ведь через три дня батальон вновь отправляют на передовую? Там, у Дона, в районе Первого Сторожевого с каждым днем все жарче. Идут бои за ликвидацию плацдарма. Быстро развеешь тоску. У тебя было увлечение, капитан?

Они сидели напротив друг друга: один обиженный, а другой самодовольный.

Немец отнял у него шоколад, отнял тушенку, отнял дополнительную пару сапог, отнял Наташу, но нельзя показывать, что ты огорчен. Надо этому радоваться. Капитан, пересиливая себя, улыбнулся, махнул рукой, опустив глаза.

— У меня была верная, маленькая и веселая пули, венгерская порода пастушеской собаки. Как я по ней тоскую!

Мюллер вскочил, ошутимо хватил Золтана по плечу.

— Давай выпьем за собак, я их тоже люблю больше, чем людей. За верность! Моя жена изменила мне с молокососом ефрейтором, который теперь уже сгнил под Смоленском. Но я не злопамятный. Мне понравилась русская Наташа, но она оказалась партизанкой. Жаль! Слушай, заведи ее, покорми, а завтра приведи, хорошо? Иди и помни: верных женщин нет!

— Будет исполнено, господин комендант.

Возвращались сумрачным вечером вчетвером. Впереди шли злой Золтан и измученная девушка, а позади охрана — два автоматчика. Жаль, что не уберет Наташу. Мало того, теперь будет три дня водить ее к своему всеильному сопернику сам. Но что делать, нужно и это вытерпеть.

Через три дня ночью он вызвал ее к себе, велел срочно собраться и уходить к Дону.

— Ты умеешь плавать? — спросил по-русски, коверкая слова.

Она кивнула.

— Ты дома, это хорошо, а я уже сегодня утром убываю на передовую. Если Бог милует, то буду помнить тебя. Прости и прощай!

С Наташей они больше не виделись. С Мюллером тоже не встречались. 106-й полк, в котором находился офицер Довач, был перебросен к Первому Сторожевому. Весь сентябрь шли бои за ликвидацию русского плацдарма.

Меловые стенки траншей пачкали рукава и полы шинелей, но на это никто не обращал внимания. Инстинкт сохранения жизни заставлял солдат быть крайне осторожными, не думать о том, как выглядишь. И все-таки капитан Довач старался быть подтянутым и аккуратным. Нет, он не рисковал собой, еще чего! Не бравировал. Но и не садился, где попало, не падал кулем, когда пролетал снаряд. Долг, конечно, долгом, но тайком он вспоминал Наташу. И в эту минуту, опять же тайком, он изменял долгу. С Наташей воскресали надежды, а без нее на душе становилось стыло и пусто.

Вместе с унтер-офицером, опережая наступавшее ночью подразделение, на мгновение остановились в глубокой траншее на взгорке. В сильно разрушенной деревне были видны полосы света из погребов и землянок; где-то украдкой светился огонек сигареты — молчаливый часовой, дрожащий от холода. Было поздно. Лужи в воронках от снарядов отражали звезды. Где-то он уже видел подобное, может, на фотографиях прежней войны?

Одна из батарей с завидной методичностью обстреливала левый берег Дона снарядами с бризантной начинкой. Снаряд издавал звук подобно ядру, летящему со свистом. Через некоторое время слышался отдаленный глухой гул разрыва. У снарядов, которые летели в ответ, звук был совершенно иным, поющим при полете и похожим на грохот хлопнувшей двери при разрыве. Что там за огни в небе над Архангельским, напоминающие зажженные фонарики? Вот послышались приглушенные взрывы. Длинные горящие цепочки огней поднимались вверх и тут же исчезали.

— Опять «швейные машинки», — затягиваясь сигаретой и кашляя, говорит хриплым басом невысокий и плотный унтер. — Русские легкие бипланы, которые летают по ночам, сбрасывают подвешенные на парашютах осветительные бомбы.

— Это еще зачем?

— Хитрая леталка. Пилот выключит легкий мотор и бесшумно скользит в ночи. Осветит место и как вывалит два десятка маленьких осколочных бомб. А знаете, почему фронтовики называют этот самолет «швейной машинкой»? За то, что издает похожий стрекот.

Цепочками огней были следы трассирующих снарядов зениток, которые пытались сбить биплан.

Взяв легкую пушку, подразделение попыталось максимально близко подойти к западной окраине села Сторожевого, то есть к границе занятого русскими плацдарма. В темноте бойцы расчета покатали свое орудие. Внезапно впереди застрочил вражеский пулемет. Пехота залегла. Артиллеристы подготовили пушку к бою. Серией из трех выстрелов пулемет был подавлен. Пехота пошла в наступление, правда, атака, встреченная яростным огнем с флангов, быстро захлебнулась.

16 сентября 1942 года у убитого в районе села Сторожевого на правом берегу Дона венгерского ефрейтора Йштвана Балоча нашли дневник. Выдержки из него были малоутешительными.

«...9 августа 1942 года в 11 часов заговорил «сталинский орган». Сердце остановилось. Все бежали, куда могли.»

10 августа. Прибыли к Урыву. Очень сильный бой... В пехотном полку настоящая паника.

16 августа. Много венгерских солдат поливают своей кровью русскую землю. Не успеваем вывезти раненых.

20 августа. Коротояк... Ужасно отчаянный народ, воют до последней минуты, не хотят сдаваться.

1 сентября. Поскорей бы кончилась война, иначе мы все погибнем.

4 сентября. Из питания у нас кукуруза и картошка, которые можно достать путем воровства.

15 сентября. У русских замечательные стрелки. Не дай бог окзаться их целью... Холодно, мерзнем, но это не зима. Что будет зимой, если нас оставят здесь?.. Помоги, Богородица, нам попасть домой»...

Прочитав дневник, Золтан на миг почувствовал холод страха в груди. Неужели их армия останется на правом берегу Дона навсегда?

Предчувствие его не обмануло, во второй половине ноября венгерские войска перешли к пассивной обороне, а их главным врагом оказались подступающие холода. Остатки батальона вернулись в село Архангельское. К тому времени комендатуру возглавлял полковник Андрис Ковач, венгр.

Как-то Митрошка поделился сокровенными мыслями с братьями Яуровыми, с которыми сошелся по-соседски. Он сошелся с ними еще и потому, что у них было охотничье ружье, которое перешло от отца.

Сдружились они обычным способом, как чаще всего сходятся ребята. Митрошка был нелюдим, любил одиночество. Он уходил к запруде, на плес, где ловил удочкой рыбу.

В доме у тетки он не отказывался от работы: ходил в лес за дровами, возил на мельницу зерно, копал лопатой огород, но нередко выпадало все из его рук, он мрачнел лицом и становился сам не свой.

В сентябре вместе с двоюродными братьями и сестрами, а их у тетки шестеро, он пришел в школу, в седьмой класс. Вроде все было хорошо, даже радовался диковатый подросток, что ему дали не тряпичную сумку, как всем остальным, а настоящий из свиной кожи, пусть и старенький портфель, а на ноги надели дяди Федора кирзовые сапожищи.

Незнакомые ребята с неприязнью глядели на высоченного новичка, а девчонки сверкали любопытными глазами и шептались, мол, гляньте, «Мрачный цыган» пришел. Кто-то из шибздигов, то есть маленьких пацанов, лихо свистнул и крикнул вслед:

— Эй, ты, копченый!

Митрошка, будто не замечая к себе столь повышенного внимания, зашел в класс. С угрюмым лицом, ни с кем не здороваясь, прошел к последней парте. Он хотел сидеть один.

— Там занято, — услышал он за спиной звонкий голос и, обернувшись, оглушенный, замер. Перед ним в синем платье сидела его родная сестра Маруся. Те же русые косы, тот же тонкий, как у Коляна, нос.

Он оглох на мгновение, а девчонка миролюбиво улыбнулась ему. И уже по улыбке ее он понял, что это не веселая хохотушка Маруся, ведь его сестра погибла. Это было так неожиданно, что он повернулся и бросился вон из класса.

По дороге Митрошка налетел на одного из братьев левшей, нечаянно задев того локтем по лицу. Он даже не заметил этого.

Спрятался, не желая никого видеть, в глухом углу за школой, прикрытом ветками клена, у забора. Братья — заядлые драчуны — нашли обидчика и с ходу накинулись на долговязого чужака. Однако «Мрачный цыган» не испугался, не побежал. Наоборот, как будто обрадовался этому. Он с маху огрел портфелем одного из братьев, да так, что тот, зажав ухо, завертелся волчком, а другого — ногой достал.

Вот так и познакомились будущие друзья.

Как-то после очередного мучительного сна, когда отец якобы строго спрашивал с Митрошки, почему тот не уберег остальных, парень не пошел на уроки. Сидел в одиночестве на невысоком, поросшем снытью плесе и... мучительно грыз ногти, просил Бога об одном, чтобы его не преследовали на каждом шагу родные покойники.

— Отомщу за вас! Отомщу, и тогда вы успокоитесь, я знаю, — бормотал как заклинание. — Хоть одного фашиста, а убью!

Долго сидел, пока не услышал за спиной голоса. Оглянулся и увидел братьев. На плече впереди идущего висело новое охотничье ружье шестнадцатого калибра.

— Дайте пострелять! — вышел «Мрачный цыган» навстречу ребятам.

Те согласились, но не задарма. Портфель будущий снайпер продал за десять выстрелов, а кирзачи следом — за пятнадцать.

— Эх-ма! Стреляю без промаха!..

Ружье било в подброшенные вверх камни, в спичечные коробки. Митрошка стрелял, не закрывая глаза при ощутимом толчке и сильном грохоте. Одежда насквозь пропахла пороховым дымом, а его никогда не спутаешь со сладковато-кислым древесным или едким и удушливым навозным.

На дворе стояла зрелая осень. 16 октября 1942 года парню исполнилось шестнадцать лет. Послезавтра, во вторник. И хотя станцию опять бомбили, уже через день Митрошка с братьями Яуровыми решил уйти в Лиски, чтобы оттуда добраться до Ленинградского фронта.

Он пошел на кладбище, чтобы поделиться с родными своими планами, а заодно и попрощаться.

Березы на кладбище еще были одеты в светло-золотистые платья. Митрошка оглядел кресты, поправил упавшие цветы.

— Прощайте, не поминайте лихом, — сказал басом. — Ухожу к отцу, за вас мстить!

Сказал, как поклялся, на душе стало легче.

В пасмурный понедельник одноногий дед Евсей подъехал на старенькой пузатой лошади Матане к серому деревянному дому и постучал вишневым кнутником в небольшое окошко.

— Вот, куриный зоб, не пойму, — почесал он лысину перед высокой и хмурой хозяйкой. — По адресу вроде вам, а фамилия невашенская.

Он извлек из сумки белесый, небольшой квадратик, виновато протянул.

Евдокия испуганно прикрыла дверь и, закусив губу, взяла дрожащей рукой злополучную бумагу.

— Господи, — закапали из ее глаз крупные слезы. — Стал наш бедный Митроша круглым сиротой...

А фронт был рядом. Фашисты еще стояли на Дону, на правой его стороне.

Тетка Евдокия сумела за два кило муки выкупить у Яуровых мужнины сапоги обратно. Она принесла их сироте, жалея его.

— Твое справие. А то сидишь в избе сиднем, — сказала с тоской. — Давай, успокаивайся! Обувайся, да за дела принимайся. Потерпи уж до лета, а там в Саратов поедешь, в военное училище, коли охота есть.

Погода вскоре испортилась. За бесконечными, унылыми дождями вдруг навалился мороз. И буквально за одну ночь на Давыдовку опустилась затяжной метелью холодная зима.

Пришлось мечты о фронте впрямь отложить до лета, тем более, братья Яуровы тоже обещались летом поехать в Саратов.

Домик, в котором жил капитан Довач, был теплым и уютным, а старушка Катерина никогда ни на что не жаловалась, ни во что не вмешивалась. Она как-то незаметно стирала его белье, подавала на стол, что Бог послал, грела воду, ходила по дрова и, если удавалось, хорошенько протапливала печь.

Она делала это с большой охотой, он замечал. Из русских женщин по-

лучились бы неплюхе служанки. Вот и сейчас в честь Святок она услужливо раздобыла крепкого вина. Золтан не догадывался, что его благодарили за то, что пощадил духанинскую родню, благодарили за племянницу.

Разумеется, он опять здорово надрался...

Было с чего напиться, пусть даже самым что ни на есть дрянным напитком — самодельной деревенской водкой, заедая картошкой. Да разве чем разгонишь тоску? Ровно полгода как моторизованная часть въехала в это Богом забытое село, удачно спрятанное за горой неподалеку от линии фронта. Даже другу Антосу Молнару он бы не стал объяснять, почему оказался здесь, так далеко от дома.

Почти три года минуло с того момента, как они, человек восемьдесят будапештских студентов со свастиками в петлицах, разогнали группу рабочих парней и девушек. То были безработные, обратившиеся за неимением иной пищи к духовной. Они собрались на небольшой поляне рощицы киногородка в Будапеште. Слышались горячие речи, доносилось имя Маркса. Это были враги, и на них набросились. Двое парней попались в руки нацистов со свастиками. Их забили до смерти. И он, Золтан Довач, сын крупного землевладельца, аристократ, тоже топтал ногами жертву.

Два года с половиной года минуло с тех пор, как он присягнул руководителю страны Миклошу Хорти, а также вождю нацистской Германии Адольфу Гитлеру и в качестве союзника воюет в бескрайней России, где они увязли, как французы в наполеоновскую кампанию.

Вот Золтан встал, зачем-то вынул из желтой кобуры блестящий «Вальтер», дунул дважды в дуло и положил на стол. Затем, нахмутив брови, подошел к зеркалу. Щуря рысьи глаза, извлек губную гармошку и, глядя на того, кто кривил губы в зеркале, приказал:

— Знаешь что, музыкант, сыграй по мне реквием. В память о том, наивном и хорошем парне... когда «воробышек» еще не чувствовал легкость пули, что быстрой осой впивается в плоть и, пройдя сквозь обмякшее тело, улетает легкомысленно прочь. Тогда моим лучшим другом был сын пасечника Антос Молнар, а не этот поблескивающий единственным глазом смерти пистолет.

За окном метель — дикая музыка смерти. Когда-то они с Антосом увлекались Steinspiel — музыкой падающих камней, музыкой ветров, даже музыкой жужжащих в улье пчел. Нет, вой и плач вьюги — самая впечатляющая мелодия — жуткие звуки уныния и безнадежности.

Почтенный дядюшка Авар, седобородый, похожий на священника пасечник, угостив ребят медом, любил пофилософствовать.

«Порядок — основа жизни, — утверждал он. — Это главное, к чему мы должны стремиться! В ульях живут маленькие, но уважаемые за трудолюбие и порядок пчелы. Они отличаются от людей: не так умны, малы размерами, то есть их никак нельзя ставить рядом и сравнивать. Люди разумны, но совершенно неорганизованны, и маленькие пчелы кормят их. Представьте только, пчелы успевают за лето собрать столько меда, что его хватает и рою, и человеку. А все это потому, что у пчел четкий и строгий порядок».

Ordnung! — немецкий порядок мечтали принести людям освободители вместо ненавистного коммунистического режима. Как приятно почувствовать себя настоящим венгром, который стремится навести священный порядок на грешной земле.

В голове уставшего офицера плыло и колыхалось облако. Он сказал назидательно тому, кто топтался перед ним в темном и мрачном зеркале:

— Все ложь! Обман! Плевать на порядок! Нужны лишь русские земли. Я хотел иметь много земель, и их мне обещали, черт возьми! Говорили, мол, надо всего лишь немного повоевать...

Золтану всегда, когда он сидел злой на весь белый свет, вспоминались слова иудейского первосвященника, который в какой-то исторической книге воскликнул: «Будь она неладна, глупая эта жизнь! Там, за стеной, люди получают по пять тысяч крон за то, что играют в войну. А мы тут настоящее побоище устроили — задаром...»

Задрожавшие длинные пальцы с грязными ногтями царапнули стекло, гармошка — тусклый ряд клеточек с красной полоской по краям — прижалась с болью к губам, и стон вместо кайзеровского марша застыл в ледяных ушах.

Золтан вновь попытался сыграть псалом про свою душу, ибо тишина была невыносимой. Какие жгут морозы! Какие снега! А солдаты одеты не по сезону: в тонких шинелях, в гимнастерках и брюках из тонкого сукна. Еще немного, и они тут запросто померзнут. В теплые бункеры-казармы хлынули полчища мышей и крыс. Солдаты жалуются на то, что эти твари не только портят продукты, но еще и грызут кожаные ремни и сапоги... Не лучше ли сдать в плен? В бараке не так холодно и не так страшно! Только бы пощадили. Только бы поняли, что они обычные солдаты, которые исполняют приказы. Холод на улице такой, что отмерзают пальцы ног и рук. Солдаты ухитрились плести из соломы огромные башмаки, которые надевают сверху на сапоги, чтобы не было так холодно. Несчастные роются по брошенным домам — ищут сундуки с тряпьем. В ход идет все: платки, кофты, юбки и прочее. При таком холоде отказываются заводиться моторы у машин и танков, становится небоеспособным оружие. Если русские станут наступать, то мы все погибнем... Богородица, заступница, спаси нас!..

11

По Давыдовке, переполненной беженцами из соседнего села Хворостани, поползли упорные слухи о предстоящих боевых действиях.

Митрошка, когда прослышал про это, попытался пройти (вот ведь упрямец!) в штаб к самому командующему одного из полков. Однако его грубо остановил часовой и на запальчивый крик: «Дайте мне возможность уйти на фронт, чтобы мстить!» весело отвечал: «Даю. Возьми полено, залезь на печку, чтобы нос не отморозить, и строчи себе сколько угодно — и мать свою защищай, и мсти! А теперь направо! Шагом марш отсюда! Вояка».

Митрошка потемнел лицом, ему было не до шуток.

«У меня мать, отца, брата и сестер убили!» — сказал горько.

«Иди, дуралей, себя пожалей. Ради них ты обязан теперь жить и ради нас, понимаешь, герой? А фашистов мы сами назад погоним — по морозцу босичком, как в той песне у Руслановой, не слыхал?»

Снега выпало столько, что низкий дом тетки Евдокии, находившийся под горкой, превратился в огромный сугроб.

Находчивая ребятня приспособилась кататься на санках прямо с крыши сарая. Увлечлись, играли до звезд, не обращая внимания на голод и колючий мороз.

И вот на окраинную улицу навстречу ветру, который гнал и гнал поземку, с пугающим ревом выехала целая колонна мощных танков. Как катера, утопая в снегу, словно в белой воде бесконечно широкой, затопившей округу реки, могучие машины шли, прокладывая глубокий, похожий

на траншею, след. По этой дороге к передовой шли другие части разведывательных батальонов первого эшелона.

Митрошка стоял среди своих двоюродных братьев и сестер и, шмыгая носом, с завистью глядел на бравых лыжников, которые, как снеговика на параде, шли и шли в ватниках, в ватных штанах, в валенках и в белых маскхалатах.

«Да, — думал, — с такими освободителями можно и до родного Ростова дойти. Дождусь лета, поступлю в Саратове в школу снайперов и тоже стану освободителем».

Следующим днем, ближе к вечеру, по накатанному, слегка припорошенному тракту проехали шесть мощных зачехленных машин.

Митрошка не знал, что это были «катюши», не знал он, как и все жители села, что вот-вот начнется наступление наших войск.

Рано утром после мощного артобстрела развернулись боевые действия сразу в трех направлениях: по захвату села Урыв, в направлении рощи Ореховая, прорыв обороны в районе Первого Сторожевого. Не зря долгих сто пятьдесят восемь дней и ночей советские воины держали оборону на Сторожевском и Щученском плацдармах.

12

Дюжий часовой у чудом сохранившейся избы села Первого Сторожевого, в которой расположились саперы по разминированию полей и дорог, с некоторым удивлением смотрел на пленного, укутанного в разноцветное тряпье. Тот медленно, как на лыжах, плыл в желтых соломенных плетенках, согнувшись в три погибели и отворачиваясь от стылого ветра, который хлестко бил колючим снегом по лицу и глазам.

— Где же ты его взял? — поинтересовался часовой у краснолицего медвежатника Плетнева, который сопровождал пленного.

— С саней снял. Мужик из села Архангельское привез. Говорит, у бабушки Катерины в подвале сховался, а она возьми да притвори дверь на запорку — хлоп! И попалась птица в клетке. Видал ворону в павлиньих перьях? Особенно чуни соломенные хорошие! Гусь! Мало того, что бабкины харчи склевал, мало того, что ее ватное одеяло на себя замотал, так он еще ее последний пучок соломки к ногам привязал...

— Ха-ха! — часовой даже валенками затопал. — Знал, видно, что скоро падать придется, вот и подстелил.

— Точно, подстелил, а теперь идет, как тень, и мечтает, чтобы хоть кто-нибудь пристрелил. Кому ты теперь нужен, чужестранец? Кто будет с тобой нянчиться?

— А бабка, чуешь, за него заступаться стала, доказывать, мол, ее родных пожалел, от расправы уберег, а полиция-злюку и старосту пристрелил.

— Да, уж такие мы... простецкие, — огромный и неуклюжий Плетнев, сняв рукавицу, достал кисет, угощая крепкой махоркой. Когда еще вот так по-дружески поговоришь?

— Сейчас ему дадут сопровождающего и скажут, куда топать. Пушай... шмыгает себе... хоть назад в свою Венгрию, авось по нашим сугробам быстро долезет.

Большая группа военнопленных мадьяр, одетых в тряпье, еще день назад ушла в сопровождении женщин в направлении станции Давыдовка.

— Да куда он денется, — выписывая нужную бумагу, хмыкнул капитан. — Ему же, чтобы не замерзнуть и не умереть с голоду, нужно идти

только туда, куда предписано, иначе, шаг вправо, шаг влево — хана! По-русски понимаешь, рыцарь? — обратился он к одетому бабкой пленному.

Тот с готовностью закивал головой, еще не веря тому, что его не приговорили как офицера к расстрелу, что он жив. Бедняга не знал, что теперь главный враг — злая метель, которая будет его сопровождать долгих семнадцать километров пути...

— Поедешь в Хреновое лес пилить, ты же за этим сюда пришел, так? Ахтунг! — скомандовал капитан пленному и показал пальцами по столу, что сейчас пленный потопает в сторону Дона. — Там за селом увидишь танковую дорогу, которая ведет как раз туда, куда тебе надо. В путь! Топ-топ, ферштейн?

Он махнул в сторону окна, мол, пойдешь в том направлении.

— За Доном расположено село Хворостань, точнее то, что вы, черт бы вас побрал, оккупанты, от него оставили. Сумеешь согреться — хорошо! Дадут кусок хлеба — еще лучше. Народ у нас сердобольный, а ты как раз за ничего сойдешь. Так что будем считать, что в Хворостани и передохнешь, и подкрепишься. А оттуда до станции Давыдовка рукой подать. Слушай, мадьяр, иди строго прямо, ясно? А то напорешься на минное поле, на свое же минное поле. До Давыдовки... а оттуда вас повезут в Хреновое — работать...

— Мне ясно, — кашлянув, ответил простуженным, каким-то петушиным голосом пленный, поправляя сбившийся на глаза платок. — Иди прямо, Хворостань, дальше Давыдыгар, Хреновое...

Небольшого роста, но плотный капитан подмигнул медвежатнику.

— Сообразительный, вражина. Старшина Плетнев, кликни часового на секунду, пусть он пленного выведет и покажет, куда ему теперь, — он глянул, зажмурив один глаз, на обувь пленного, — куда соломенные лыжи наострять... Предупреди, да садись, чайку выпьем. Передали телефонограмму, что наши взяли Яблочное и ведут наступление на Краснолипь!

13

...Как страшен холод, с которым голодный Золтан остался один на один! Коченеют руки и ноги. Соломенные чуни пришлось бросить при выходе из села. Хорошо, что морозный ветер дует в бок, а не в лицо, иначе он не мог бы идти вперед.

«Боже, эти бесконечные, бескрайние русские просторы! Как они пустынно!» Война, люди голодные, злые, а он военнопленный, он один из тех, кто виноват в этой войне, кто теперь его пожалеет? Его испуганный взгляд поднимался к синему ледяному небу, потом опускался и скользил по белой бесконечности полей, лишенные блеска, покрасневшие глаза глядели в пустоту. Ослабленная, пустая внутри развалина, испуганное дрожащее существо... Война доканывала душу, сжираала нервы, душила голодом и безысходностью.

Теперь он был один на один со злым морозом, с бесконечной серо-белой дымчатой равниной, со страхом взирая на валявшиеся то тут, то там засыпанные снегом трупы. Его нигде не ждут, это он понимал. Одна надежда на то, что он еще молод и здоров, что еще не отморожены его ноги и руки, не помутился рассудок. А раз так, то он будет нужен русским как готовая рабочая сила. Он согласен. Он на все согласен, он согласен быть рабом, лишь бы ему дали горячего чая и кусок хлеба. Сейчас главное — не упасть. Как же хочется сесть и не двигаться, ну, почему так быстро замело дорогу, ноги так и вязнут, так и тонут... только не упасть, ведь тогда не встать...

Надежда умирает последней. За взгорком начался лес. Снег был настолько глубок, что края дороги возвышались снежными глыбами едва ли не в человеческий рост. Справа и слева хмурыми великанами темнели стволы деревьев. Бескрайний мертвый лес. Ничто не нарушало тишины.

Шагал, шагал и упал. Едва не уснул. Очнулся, вздрогнул. Спать никак нельзя, разом замерзнешь. В сапогах с двушовными голенищами чертовски холодно. Хорошо, что он по совету хозяйки «Бабюш Кат» взял сапоги на размер больше. Заработал себе пару мозолей, зато в морозы сумел надеть лишние носки, наполнить бумагой.

Он не помнил, как оказался на снежном холме. Сверху была видна занесенная сугробами красивая река. «Мечтали купаться, мечтали гулять с донскими казачками по Дону, — мелькнула мысль, — да вот морозы помешали. Куда же теперь?»

Сам думал, а ноздри уже жадно ловили запах дыма. «Туда, туда, где вдалеке чернеют дома, где тепло, где жизнь», — ноги повернули вправо, хотя дорога вводила влево.

Проваливаясь по пояс в сугробах, пленник полез под гору — прямоком на пепелища, среди которых виднелись два уцелевших дома.

«Черт с ними, с минами. Взорвусь — и слава Богу — отмучаюсь», — барахтался он в снегу, не жалея последних сил, пробирался к избе. Он не знал, что это село не Хворостань, а Аношкино.

Часа через два Золтан плелся по засыпанному снегом сожженному селу, по все тому же тракту, проделанному танками. Где-то там железно-дорожный узел, станция Давыдогьяр, где-то там собраны другие военнопленные. Всем вместе им будет легче в Хренове.

В избу его впустили. Он отдал платок и шерстяную кофту молодой вдове и ее двум девочкам, выпил кружку кипятка с пятью кукурузными зернами и, упав, тут же уснул на полу возле печки. А когда проснулся, то долго не мог понять, где находится.

Его проводили, показали дорогу. Белокурые, чумазые, быстроглазые девочки возродили в Золтане мучительную тоску по дому. У него, богатого и образованного молодого человека, война отняла все, превратила в чучело, голодное и тщедушное, лишив силы духа.

Собрав в кулак всю свою волю, Золтан твердо решил выжить и вернуться в родную Венгрию. Хватит. Пусть русские сами наводят у себя порядок. Он вернется домой, будет просто жить: женится и станет возить-ся со своими детьми.

Мела и мела поземка, напевая песню смерти. Петляла и петляла бесконечная дорога с вздыбленными комьями, казавшимися по плечи закопанными в снег великанами. Хоть бы кто-нибудь шел навстречу, или догнала бы повозка и немного подвезла.

Пять зерен кукурузы за полтора дня для молодого мужика, бредущего вот уже более пятнадцати километров по дороге — это слишком мало. Голод и холод вновь начали одолевать бредущего пленника. Ноги его заплетались, сил не было идти. Больше всего ему хотелось сесть на сугроб среди дороги и отдохнуть. Только вот хватит ли сил подняться?

Золтан тер обмороженные щеки, молил и молил под завыванье лютого морозного ветра Богородицу, чтобы не дала ему упасть и замерзнуть на чужбине. Вот и итог, вот и получит он сейчас долгожданную русскую необъятную степь. Замерзнет и будет лежать среди убитых, пока лицо его и руки не обгрызут волки или голодные собаки. А потом, по весне, его тело сбросят куда-нибудь в овраг вместе с остальными такими же, забыв при-

сыпаться землей. И через десяток лет подростки найдут его белый череп и будут играть им, как в мяч.

Нет, расслабляться никак нельзя, тем более что вддали завиднелось село — в синеватой дымке домá, разбросанные среди голых деревьев. Издалека донесся гудок паровоза, значит, он не ошибся, там станция.

Как же хочется есть! Кружится голова, тошнота волнами подступает к горлу, и совсем нет сил. А ноги вязнут и вязнут в сугробах. Пальцы на левой ступне так околели, что в сердце вкрался страх — не отморозил ли?

Из-за бугра, совсем невдалеке, внизу в лощине зачернели избы. Они были так сильно засыпаны снегом, что казались сказочными и маленькими. Над двумя домами, что стояли возле росших рядом тополей, струился дым, там топили печь.

«Зайду и погреюсь, авось не прогонят», — мелькнула спасительная мысль, и, шатаясь, из последних сил капитан поплелся, дрожа от холода и усталости, к ближайшему дому.

Евдокия вышла на стук и спросила: «Кто там?» Она открыла обитую старым ватным одеялом дверь и испуганно отпрянула. Перед ней стояла огромная, нелепая старуха, замотанная по глаза платком и трясущаяся от холода.

— Господи, проходи! Ты кто же такая будешь?

— Пленный, — прошептал и, не сумев переступить порога, упал изможденный Золтан.

С печки горохом ссыпались ребятишки, во все глаза уставились на незнамого гостя.

— Это фашист, точнее маляр, — со знанием дела, объявил девятилетний Мишатка. — Таких теперича много. Таких собирают и на станции в вагоны грузят.

— Говорят, на правом берегу Дона их стока поубивали! Кучами валяются.

— Так им, гадам, и надо!

Но пленный есть пленный. Жалкий, безоружный и ужасно худой.

Евдокия быстренько загнала ребят обратно на печь, а сама, вскипятив кипятку, нашла для пленного половину свеклы и остатки каши.

Пока пленный спал, потом жадно пил, ел и отогревался, пока пытался объяснить на русском языке, что он идет на станцию, туда, где собирают всех пленных, вернулся Митрошка. Парень ходил за дровами, а потому тоже изрядно промерз.

— А у нас пленный нимич, — весело объявила чумазая Аленька.

Митрошка замер, глаза его дико блеснули, когда он увидел веснушчатого, будто вывалянного в мякине, с худым и почернелым лицом венгра.

— Миша, — попросила Евдокия, — ты у нас все знаешь, а потому пойдешь и покажешь пленному дорогу на станцию, хорошо?

Митрошка, сузив глаза, покосился на фашистское «чучело» и начал вновь поспешно одеваться.

— Проводи его по Октябрьской улице, — наставляла Евдокия Мишатку. — Да, смотри, недолго, а то нос отморозишь...

А Митрошка тем временем поспешил к топившейся избе, в которой жили братья Яуровы. Он загвоздил кулаком в раму, замахал рукой, попросил, чтобы они вышли на улицу.

— Волоки берданку и три патрона! — крикнул старшему.

Сереге поджал губы, не понимая.

— Ты че, на охоту надумал, что ли, на ночь глядя?

— Дельце наклюнулось, давай скорей.

— Не понял, лось, что ли?

— Лось, лось!.. Я молил, вот и сбылось.

Младший Яшка обрадованно кинулся в сени, на самом деле стрелять бы такую дичь...

Сергеа дернул Митрошку за рукав.

— Брешешь, какие тут лоси, в военное время, когда то бомбят, то стреляют?

Митрошка посмотрел упрямыми глазами, раздувая ноздри.

— Пленный фашист объявился, понятно? И мы его поведем!

Со всхлипом распахнулась дверь, выстужая сенцы. Шмыгая носом, Яшка протянул ружье брату.

— А патронов всего два. Меня подождите.

Они нагнали пленного и сопровождавшего Мишатку у колодца как раз в тот момент, когда Золтан поскользнулся на намерзшем льду и упал.

— Все, возвращайся! — приказал Митрошка двоюродному брату. — Мы сами доставим куда надо.

— Хочу с вами, — попросил Мишка, страстно желая посмотреть, как братья в очередной раз будут стрелять ворон.

— Ветер, мороз, а у тебя шея голая! — заругался Митрошка. — Марш отсюда!

Могли и накостылять, так что мальчуган не стал дожидаться неприятностей, повернулся и рысью помчался домой.

14

— Куды его? — Яшка повел дулом ружья в сторону растрепанного пленного, который тяжело поднимался с коленей.

— На кудькину гору, сворачивай! — приказал грозно Митрошка.

Сергеа на миг оглянулся.

— Нам не туда надоть, ты что, дорогу на станцию забыл?

Золтан встал, миролюбиво улыбнулся, огляывая новых провожатых.

На братьях были серые фуфайки с порванными на локтях рукавами, из которых торчали клочья ваты. А на Митрошке — коричневый, еще не старый пиджак, похожий на короткую куртку. Шапки у братьев лисьи, сильно облезлые, но еще рыжие, а на Митрошке суконная, тоже очень старая. Братья в валенках, а он в сапогах. У всех троих лица красные и угрюмые. Партизаны, ни дать ни взять.

Митрошка носком сапога ударил намерзшую ледышку.

— А кто тебе сказал, что мы его поведем на станцию? — сказал он злобно, темнея лицом. — Он наших солдат убивал, над бабами изгалялся, грабил, а его — на станцию... Ты, Серьга, сворачивай, веди его к логоу.

Братья переглянулись, какое заманчивое и смелое предложение — убить фашиста.

— А давайте, правда, расстреляем его? — предложил Яшка, громко шмыгая носом. — Как он, гад, наших, так и мы его!

Сергеа хотел возразить, но Митрошка перебил:

— Успеем, гони бердаш!

Он схватил ружье и начал злобно тыкать стволом пленному в спину, подталкивая его в сторону поросшего кустарником оврага.

Золтан понял, что его повели не на станцию, потому отчаянно замачал руками и закричал:

— Мне Хренове... плен... работа...

Сергея остановился.

— Вы че, ребя, очумели? Нам же за него, знаете, что будет!

— Не трусь, Сergyа! — Митрошка толкнул пленного в спину. — А ты топай, фриц, топай!

Быстро темнело. Позади за спиной польхала багровая полоска зари. А спереди в мареве уже плыл круглый диск луны. Стылый ветер проникал всюду, леденил щеки и сердце.

Остановились около корявого старого вяза, утопающего в снегу возле ямы. Пространство вокруг было мертвенно голубоватым, а небо очистилось и покрылось крупными сверкающими звездами. Месяц, окутанный серебристой дымкой, бесстрастно смотрел на происходящее.

На этот раз Богородица отвернулась от Золтана. Он преодолел все мучения и преграды, он почти дошел до станции, где собирали военнопленных, но вместо «Хренове», вместо работы, стоит сейчас на краю собственной снежной могилы. Капитан Довач упал на колени и пополз навстречу ребятам.

— Не убивайт! — говорил он высоким срывающимся голосом. — Пожалейт, рус добрый, рус жалейт...

Но его будто не слышали.

— За всех погибших, за беженцев, которых разбомбили в Пуховке, за моих родных! — прошептал Митрошка и вскинул ружье.

Грянул выстрел. Жакан ударил в стянутый голодом живот Золтана. Несчастный надрывно закричал, завыл и начал кататься по хрусткому снегу.

Младший, Яшка, испуганно вскрикнул: «Не надо!» и теперь стоял, оглушенный.

Глаза у Митрошки лихорадочно сверкали, он подставил ножку бросившемуся бежать Сергею.

— Ты чего? — заорал тот, зарываясь худыми варежками в колючий снег.

— Ничего! Патрон давай!

Вновь бабахнуло ружье, и пленный затих.

И было жалко его, и было тошно — ну, кому чего доказал? Митрошка сел на наст, хватал рукою снег и жадно глотал его.

— Я обещал отцу, матери, Колян и сестрам убить фрица и вот отомстил! — угрюмо сказал он. — Не бойтесь. В случае чего скажем, что застрелили пленного при попытке к бегству.

Совсем стемнело. Ребята спихнули тело убитого в яму и забросали снегом.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Золтан Довач был нелепо расстрелян мальчишками 18 января 1943 года. Через месяц ему исполнилось бы 23 года...

Митрофан Яковлевич Казаков умер четыре года назад. Похоронили его в Давыдовке, на старом сельском кладбище, под березой, рядом с матерью, братом и сестрами. Его могила — обычный холмик с деревянным крестом — прилепилась у почерневой ограды.

Я иногда думаю о потусторонней жизни, о том, как на том свете теперь встретятся две эти души. Что они скажут друг другу?